

ДЕНИС ЛУЖЕНСКИЙ · ДЕНИС ЛАПИЦКИЙ

ТЕНИ ШАТТЕНБУРГА

КНИГА — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ *Рукопись года*

ЛЕГЕНДЫ
ГЕРОЕВ И МАГИИ

Легенды героев и магии (АСТ)

Денис Лапицкий
Тени Шаттенбурга

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лапицкий Д. Б.

Тени Шаттенбурга / Д. Б. Лапицкий — «АСТ»,
2016 — (Легенды героев и магии (АСТ))

ISBN 978-5-17-098277-6

Шаттенбург – тихий городок. Кажется, кроме ежегодной осенней ярмарки, здесь никогда ничего не происходит. Но неожиданно убивают нескольких детей, и напуганные их страшной смертью жители взывают о помощи к императору. В Шаттенбург прибывают имперский посланник и монах-инквизитор. Сначала их больше заботит лояльность и чистота веры, но они вынуждены заняться расследованием: жуткие убийства продолжаются, и это – явно не дело рук человеческих.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-098277-6

© Лапицкий Д. Б., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
День первый	10
1	10
2	15
3	18
День второй	22
1	22
2	26
3	30
4	33
5	37
6	40
День третий	43
1	43
2	47
3	51
4	55
5	58
6	62
7	66
8	68
9	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Денис Андреевич Луженский, Денис Бронеславович Лапицкий Тени Шаттенбурга

© Денис Луженский, 2016

© Денис Лапицкий, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается всем тем, кто когда-то принял участие в одной форумной литературной игре, годы спустя вдохновившей нас на этот роман. С благодарностью к форумчанам сайта Архивы Кубикуса, которых мы знали под никами **tomus**, **НукимА**, **godar**, **Дан**, **yesint**, **Аристарх Михалыч**, **Phantom**, **Velz**, **Aramits**, **FH-IN***

Пролог

– Пауль, чур, тебе водить! – крикнула Альма.
– Только по-честному, а то ты небось подглядываешь! – едва не подпрыгивая от нетерпения, добавил Уве.
– Я не подглядываю, ты, рыжий дурень! Это вы прятаться не умеете!
– Ничего, сейчас так спрячемся – год не сыщешь! – скорчили одинаковые рожицы близнецы Гюнтер и Ганс. – Давай отворачивайся!
– Отворачивайся! – махнул рукой толстяк Петер.
– Ну ла-адно.

Стоило Паулю повернуться, друзья брызнули в стороны – затопотали, быстро удаляясь, легкие шаги, трава зашуршала. А водящий уперся носом в морщинистую дубовую кору и закрыл глаза.

Тили-зонг, тили-ли,
Полетели журавли,
Гадкие, как угорь,
Черные, как уголь.
Прилетят однажды в гости —
От тебя оставят кости.

И вовсе он не подглядывает. Просто он при... при-мет-ли-вый – вот. Да, точно: «лентяй, но приметливый» – это так Кривой Томас говорит, краснодеревщик, который Пауля на учебу взял. Только Паулю не очень-то нравится учиться: вот и сегодня сбежал.

А тут ребята: пошли, мол, в прятки играть! Все интереснее, чем в мастерской у Томаса разбирать деревяшки. Хелена, сестрица, само собой, как узнает, что он отлынивает от учебы, выпллет ему... Подумаешь! Не впервой небось!

Тили-ли, тили-дом,
Есть в реке черный сом,
Под корягой живет,
Ус свой длинный жует.
Кто в реке купаться станет,
Того сом на дно утянет.

Зря они сами всегда одни и те же места выбирают, чтобы прятаться! Тут и дурак запомнит. Рыжий Уве сейчас наверняка к ручью мчится – ему волю дай, он бы в этом ручье жить стал. Под берегом, рядом с молнией битым дубом, прямо среди корней есть пещерка – маленькая, только-только спрятаться-скрючиться. Уве в самой ее глубине под камушком хранит лесу из прочных жилок и крючки. Хорошие крючки, кованые, больших рыб таскать можно – вот Уве и таскает, рыбарь он знатный, весь в отца. Пауль давно его ухоронку нашел, но никому о том не сказал – зачем?

Тили-дом, тили-тис,
За кустом черный лис,
От хвоста до морды
Он чернее черта.
У дороги лис сидит,

За тобою он следит.

Альма – вот хоть на что спорь! – побежала к вырубке: там пней накорчеванных просто умереть сколько, среди них хоть половина шаттенбургских ребят спрятаться может, и еще на половину другой половины место останется.

Тили-тис, тили-бом,
Под горой черный гном,
Копит золото в норе,
Ворожит на заре.
Если гном тебя поймает,
Живым в землю закопает.

Петер лентяй, значит, далеко не побежит, где-то тут рядом будет прятаться – либо на дерево залезет, либо станет под выворотнем хорониться: в двух шагах от дороги недавно здоровенная осина рухнула, так под корнями места о-го-го сколько! Да, наверняка Петер там и засядет: деревьев, таких, чтоб крепкие ветви низко, рядом нет, а тонкие его не выдержат, толстопуза. А вот Гюнтер и Ганс – те как пить дать в кустах засядут, и отыскать эту парочку будет всего труднее.

Тили-бом, тили-долк,
В роще спит черный волк,
Как проснется – вскочит
И клыки наточит.
Если волк тебя найдет,
Целиком тебя сожрет!

Пауль последние слова считалочки произнес и боязливо поежился: вспомнилось ему, как весной погнался за ним оголодавший волчина. Ох и бежал же он тогда, ох и бежал! Примчался прямо к мельничным воротам, и там матерого взял на вилы мельник Хайнц, не оплошал. За волка потом сам господин бургомистр отвалил мельнику целый серебряк, а Паулю не дали даже медяка, зато насыпали так, что неделю сидеть не мог.

Считалочка, однако, кончилась, и Пауль отлепился от дерева.

– Иду искать! – крикнул он.

Справа, со стороны ручья, слышался странный звук – не то стон, не то сдавленный крик. Небось полез Уве в пещерку свою – так или крючок себе в ногу засадил или лбом о корень треснулся. Какие же они пред-ска-зуе-мые...

Вот с него и начнем!

Пауль почти беззвучно скользнул к берегу ручья – сейчас как высунется из кустов, как приятеля напугает!

– Попался! – крикнул Пауль, рывком раздвигая ветки... и прикусил язык.

У пещерки, где Уве прятал лесу и крючки, стояло по колено в воде *чудище*.

Вода закручивалась вокруг белесых чешуистых ног, а Уве тряпичной куклой болтался в очень длинной руке, тоже белесой и чешуистой. Кровь пузырилась в ране у него на горле, текла тонкими струйками по груди, по ногам, крупными каплями срывалась в прозрачную воду. Там, куда падали эти капли, вода становилась мутной и розовой.

Чудище фыркнуло, почуяв Пауля: видеть его оно никак не могло – вместо глаз на плоской морде имелись лишь неглубокие ямки. А потом на белесой шее вскрылись широкие надрезы с алой изнанкой – будто жабры у рыбины, и вывернулись наружу толстые губы круг-

лого, похожего на присосок рта: мальчик увидел несколько рядов мелких полупрозрачных зубов и хлыстом бьющийся во рту язык – тонкий и тоже усаженный зубами.

Развернувшись, Пауль побежал – так быстро, как не бегал никогда раньше. Разве что весной от волка... нет, еще, еще быстрее! Он слышал, как что-то большое и сильное с треском проломилось сквозь кусты, как затопотало следом. До города недалеко – с полмили, но мерзкое уханье раздавалось уже в двух шагах за спиной. Не уйти! Ой-ей-ей!

Слева от тропы в яме под корнями выворотня мелькнула холщовая рубашка с ярким шитьем: одет Толстый Петер всех друзей лучше – его родители купцы не из последних. Впрочем, у других ребятишек, что играют тут в прятки, родителей вовсе нет.

– Беги! – только и выдохнул Пауль, проносясь мимо выскочившего из своего укрытия толстяка.

– Я раньше бу... – Петер не договорил, осекся и завизжал. А потом за спиной чавкнуло, хрустнуло, захлюпало, словно кто-то втягивал ртом из миски горячее молоко с густыми пенками, и от этого звука короткие полотняные штаны сделались еще мокрее, но Пауль все бежал и бежал, потому что останавливаться было нельзя, нельзя, нельзя...

* * *

... Увидев, как пронесся мимо приятель, Ганс по-рачьи пополз назад, зарываясь поглубже в кусты. Вылезти из укрытия и припустить следом он даже не подумал – уж очень напугал его недавний визг, и слишком перепуган был Пауль. Да и как сбежишь, когда где-то рядом в гуще шиповника прячется брат?

– Гюнтер! – зашептал он на ходу. – Гюнтер, ты где?

– Чш-ш-ш! А-ай!

Справа вдруг затряслись, закачались зеленые ветки, и снова вскрикнул брат. Забыв о собственном страхе, Ганс рванулся на крик. Злые колючки прочертили по коже белые штрихи царапин, мальчик зашипел от боли и досады... и вывалился на тропинку.

– Гюнтер! Гюн...

Брат лежал под молодым дубом, безвольно раскинув руки, а над ним склонился человек в темной сутане и веревочных сандалиях. Монах! Слава Спасителю!

– Дяденька! – Ганс шагнул вперед, да так и застыл на месте, внезапно разглядев в руке божьего человека короткую дубинку.

– Тихо, сынок, не бойся, – человек в сутане поднял голову, глянул на обомлевшего мальчишку и улыбнулся. Одними только губами улыбнулся, глаза у него остались холодными и злыми. Тут затрещали кусты, на тропу из зарослей выломился другой монах – крепкий и плечистый, как плотогон. Этот не улыбался, лицо его все перекошилось от ярости, столь дикой и злобной, что Ганс поневоле попятился.

– Постой, малыш, – первый незнакомец уже шел к нему, подняв руку в успокаивающем жесте. – Тут дружку твоему вроде худо стало...

Ганс пятился, не в силах оторвать взгляда от дубинки монаха. Навершие ее влажно поблескивало... Точно такой дубинкой дядька Фридрих забивал к ярмарке поросят.

Прочь отсюда! Прочь! Что есть мочи мчаться к мельнице, звать на помощь взрослых! А Гюнтера, наверное, заберет к себе Иисус, ведь душа у него была добрая и чистая...

Он не увидел, как прямо за его спиной возникла огромная фигура. Не человек – настоящий великан беззвучно шагнул к мальчику, и, едва тот повернулся, решившись спастись бегством, сильные пальцы сжали горло ребенка. Ганс с ужасом ощутил, как его приподнимают над тропой, точно кутенка, затрепыхался в железной хватке, замолотил ногами, а потом зажмурился, увидев падающий из поднебесья громадный кулак.

* * *

Ганс обмяк в руках у гиганта, и Альма ладонью зажала себе рот, чтобы не закричать, сразу поняла: если пикнет – тут ей и конец. Кошкой она скользнула под еловые лапы, на четвереньках пробежала весь ельник насквозь, а там уж вскочила и припустила к реке вспугнутым зайцем.

Уже возле вырубki чуть не померла со страху, когда кто-то выпрыгнул, шипя, из зеленой крапивной стены. Взвизгнула, шарахнулась в сторону, да только теперь и разглядела: это же Пауль! Охает, трет обожженные ладони.

– Чтоб тебя черт сожрал! Чего насакиваешь?! Там такое...

Тут она увидела его лицо, и слова встали ей поперек горла. А Пауль молча схватил девочку за руку, поволок за собой, и вот уже оба они мчались к городу, задыхаясь, выбиваясь из сил, но с каждым шагом все больше отрываясь от погони.

За их спинами вздрагивали, будто в мелких судорогах, густые заросли, и было неясно, то ли колышет их ветер, то ли творится там черное и страшное дело.

День первый

1

*Окрестности имперского города Шаттенбурга (Shattenburg),
Германия, Саксония, к северо-востоку от Цвикау
Сентябрь 14... года*

– Попробуйте еще вот этот паштет, отец Иоахим, – предложил барон Ойген фон Ройц. – Гусятина с базиликом и прочими травами.

– Благодарю, благодарю, – цыкнул зубом инквизитор, пододвигая широкую тарелку поближе. – Ваш повар не перестает удивлять меня, право слово. Большой искусник! Пожалуй, он не ударил бы в грязь лицом даже на пирах Лукулла. И как только умудряется сохранять паштет свежим целыми неделями?

– Это его личный секрет, – усмехнулся барон. – Даже я толком не знаю, в чем там суть. Хотя и не очень-то интересовался, признаться. Слышал только, что, прежде чем набить паштет в горшок, повар долго греет посудину в печи, а набив, заливает сверху салом.

– Надо же... Путешествуем в глуши, а стол таков, будто мы приглашены на обед к королевскому министру! И да простятся мне эти слова, но я рад, что сегодня не постный день!

– Благодарю, святой отец. Я передам повару ваши восторги.

Возок переваливался на ухабах, поскрипывали оси, снаружи доносилось всхрапывание лошадей, негромко переговаривалась о чем-то охрана. Узкие оконца пропускали мало света, так что, прежде чем подать обед, оруженосец занавесил их шторками и зажег висевшую над столом лампу под стеклянным колпаком. Заправлена она была самым чистым маслом, поэтому запах не перебивал ароматов трав и пряностей. Сотрапезник должен это оценить. Впрочем, фон Ройц старался не столько для него, сколько для себя. Лампа раскачивалась; по стенам, набранным из широких дубовых досок и обтянутым тканью, метались тени.

– Умм! – Инквизитор с видимым удовольствием облизал деревянную ложку. – Паштет и впрямь удался на славу! Какое достойное завершение прекрасной трапезы!

– Ну почему же завершение? Есть еще очень славный травяной настой: рецептов мой повар знает великое множество, – фон Ройц поставил на стол круглобокий глиняный кувшин, над которым поднимался парок. – Его готовят из листьев ежевики, малины, крапивы, земляники и яблочной кожуры. Он не только вкусен, но и снимает тяжесть от обильной еды.

Священник только восхищенно потряс головой.

– А кроме того, есть груши, финики и... сахар.

– Сахар, говорите, – подозрительно скривился отец Иоахим. – Сарацинская сладость.

– Увы, – фон Ройц развел руками, и поддетая под дублет¹ тонкая кольчуга чуть слышно звякнула, – язык не поворачивается, но нельзя не признать, что магометане кое в чем преуспели лучше честных христиан.

– И вы не гнушаетесь пользоваться их достижениями.

– Что ж, у нас, детей Адамовых, не столь много радостей в юдоли нашей, чтобы отказывать себе в возможности попользоваться хотя бы одной из них.

¹ Дублет – вид средневековой мужской одежды.

– Мнится мне, что вы желаете подначить меня, барон, а то и спровоцировать на диспут, – отец Иоахим лишь расслабленно махнул рукой и откинулся на набитую тонкой шерстью кожаную подушку; массивный нательный крест медленно, в такт дыханию, вздымался и опускался на его животе. – Но сегодня я не в настроении, ибо иные мысли меня одолевают. И меньше всего мне хочется сейчас вести споры. Тем более споры с вами.

– Как это понимать, святой отец? Как признание того, что мои скромные познания в теологии и трудах отцов церкви снискали мне толику вашего уважения за те две седмицы, что мы в пути? – улыбнулся в усы Ойген. – Или...

– Вот именно, – инквизитор вдруг подобрался, мгновенно сбросив личину расслабленного сибарита, – *или*.

«Ну наконец-то, – подумал барон. – Сколько он ждал этого момента? Проверял, задавал вопросы, но повода начать щекотливый разговор так от меня и не получил и вот сейчас, когда мы почти уже прибыли на место, – не выдержал, решил сам взять быка за рога. Что ж, самое время!»

Отца Иоахима и его сопровождающих барон фон Ройц встретил на дороге в двадцати милях от Штутгарта. У одного из людей инквизитора – паренька-писаря – захромал мул, и часть поклажи плюхнулась в грязь: лужи на раскисшей дороге были поистине гигантские. Шел дождь, и барон великодушно предложил путникам помощь. Чуть позже, за кружкой глинтвейна в его возке, выяснилось, что он и инквизитор направляются в одно и то же место. Их целью был Шаттенбург – городок, затерянный среди отрогов Рудных гор, неподалеку от границы с чешскими землями. Совместное путешествие продлилось почти две недели, и о причинах столь дальней поездки обе стороны все это время особо не распространялись. Лишь теперь, когда баронский возок сматывал под колеса последние мили пути, настало, похоже, время для откровенного разговора.

– Скажу честно, барон, пикировка с вами доставляет мне изрядное удовольствие, – заявил меж тем инквизитор, – ибо мне всегда приятно говорить с человеком, полагающимся не на одну лишь остроту своего меча, но и на остроту разума. Вот только...

– Только что, святой отец? – Ойген не изменил ни позы, ни интонации, но глаза его чуть прищурились.

– Что вы планируете делать в Шаттенбурге, фрайхерр² фон Ройц?

– Вам это прекрасно известно, святой отец. Шаттенбург не относится к вольным городам, а находится под юрисдикцией короны, и я послан туда с проверкой, дабы на месте определить, какова ситуация в городе. Ибо ситуацией этой мой сюзерен в некотором роде... обеспокоен. И уверен, вы понимаете причину его беспокойства.

Отец Иоахим кивнул.

– Скажу более, барон, это беспокойство не чуждо и мне, и Святому престолу. Император боится...

– Император не боится. Император *выказывает опасения*, – ледяным голосом поправил фон Ройц.

– В самом деле, – кивнул инквизитор. – Так вот, он выказывает опасения, что *неурядицы* в восточных областях империи могут перекинуться на сердцевинные ее земли, и его добрые подданные будут страдать, я прав?

– К сожалению, обстановка в восточных землях и впрямь оставляет желать лучшего, – барон сунул в рот финик, сплюнул косточку, отпил подслащенного медом настоя.

– Уверяю вас, опасения помазанника понятны и вызывают сочувствие и в Риме, – всплеснул руками инквизитор. – Однако отношения между владыкой светским и владыкой

² *Фрайхерр* (нем. *Freiherr*) – немецкий аналог титула барона. Фрайхерр получал земельный надел от короля и был его прямым вассалом.

духовным далеки от сердечных. Да, они зиждутся на взаимном уважении, но сейчас скорее прохладны, чем теплы. Нет-нет, это никоим образом не осуждение: я искренне желаю, чтобы отношения эти стали тесными и поистине дружескими. Чтобы император и папа не только на словах, но и на деле владычествовали вместе над этими благодатными землями, владычествовали равно и в умах, и в сердцах, оберегая паству от греха телесного и духовного. А меж тем возмущения в восточных землях, среди славян и мадьяр, беспокоят и Святой престол. Император Фридрих опасается, что из Чехии перекинутся искры волнений, папа Николай опасается...

– Распространения гуситской ереси, – барон снова наполнил чашку, отхлебнул. – Что ж, более чем разумно. Пусть она почти и раздавлена, но загнанный в угол зверь на многое способен. Однако, раз уж мы стали... хмм... столь *откровенны* друг с другом, скажите, святой отец, почему сюда послали именно вас?

– Вы имеете в виду – инквизицию?

Ойген кивнул.

– Конечно, угроза ереси есть угроза ереси, но... Гуситы тревожат Чехию уже немало лет, однако допрежь Святой престол никого сюда не посылал: давненько доминиканцы³ не посещали эти края. Я уж, грешным делом, полагал, что про инквизицию здесь и думать забыли, как инквизиция забыла думать об этих землях. Но вот вас направляют в Саксонию – причем не в крупный город, не в Дрезден или Хемниц, а в самый что ни есть медвежий угол. Зачем, святой отец? Шаттенбург должен стать форпостом для восстановления влияния Рима в здешних краях?

Отец Иоахим помолчал, осушил чашку еще теплого настоя, медленно отрезал изящным ножичком половинку груши, вдумчиво ее прожевал.

– А вы опасный человек, барон, – наконец сказал он. – Лишний раз убеждаюсь в том, что ваш сюзерен неслучайно отправил в Шаттенбург именно вас. Но я откроюсь вам, ибо думаю, что мы можем помочь друг другу. Вы направлены сюда императором, я – Святым престолом. Казалось бы, уже одной тени стоящих за нами сил достаточно, дабы обеспечить и вам, и мне полное содействие местных властей и духовенства. Но нам обоим ясно, что на деле все будет гораздо сложнее. Вы говорите, будто посланы оценить ситуацию в городе. Но с вами больше десятка вооруженных бойцов. И, как говорит мой телохранитель, бойцов отменных. Да, Шаттенбург – имперский город, но его жители уже не раз задумывались о том, чтобы воздвигнуть статую Роланда⁴. И мнится мне, что при необходимости вы готовы применить силу. Например, если городские власти ввязались в какую-то игру со сторонниками Постума⁵ или, того хуже, Йиржи⁶. Конечно, это лишь предположение...

«А ты тоже не так-то прост, папаша-доминиканец, – подумал фон Ройц. – Сразу видно, что не только труды отцов церкви изучаешь. Да, такого проныру стоит держать на коротком поводке».

– Прошу, не отвечайте, барон, – с трудом скрыв довольную улыбку, сказал отец Иоахим. – Думаю, мы с вами встретились отнюдь не случайно. Хотим мы того или нет, но

³ *Доминиканцы* – орден монахов, основанный испанским монахом Домиником, причисленным к лику святых. На гербе ордена изображена собака с горящим факелом в пасти, что символизирует охранение церкви от ереси и просвещение мира проповедью. По созвучию названия часто неофициально именовались псами Господними (*Domini canes* – лат. «псы Господни»).

⁴ *Статуя Роланда* – символ статуса вольного города (*Freie Stadt*).

⁵ *Ладислав Постум* – внучатый племянник императора Священной Римской империи Фридриха III, король Богемии, Венгрии, герцог Австрийский. Коронован королем Богемии в 1453 году, однако фактическим правителем страны был Йиржи из Подебрад. Постум умер в возрасте 17 лет (по всей видимости, от рака крови).

⁶ *Йиржи из Подебрад* – король Богемии, первый правитель европейского государства, не исповедовавший католицизм. Принадлежал к уtrakвистам (чашникам) – умеренному крылу гуситского движения. Папа римский Павел II объявил Йиржи еретиком.

нам лучше держаться вместе и быть заодно. Конечно, сейчас трудно сказать, чья задача окажется сложнее – ваша или моя.

В моей душе есть место и тревоге, и неуверенности. И я вовсе не желаю повторить судьбу Конрада Марбургского⁷.

– Да, святой отец, – скупой улыбнулся Ойген, – терновый венец прельщает очень немногих.

Лоб инквизитора – высокий, с залысинами – прорезала вертикальная морщинка.

– Остроумие есть большое подспорье в беседе, барон, однако не в каждой. Так вот... Гуситская ересь – это, конечно, важная причина для визита инквизиции, однако епископат имел и более насущный повод, чтобы отправить меня в Шаттенбург. Мы получили весть о том, что близ города случилось событие поистине жуткое: будто бы на игравших в лесу детей напала неведомая тварь. Говорят, кто-то из детей спасся – несомненно, на то была воля Провидения, и его же воля в том, что разрешить это дело должна инквизиция.

Конечно, Иоахим не стал упоминать, что решение о поездке поддержали далеко не все кардиналы, и, если его миссия провалится, всякую память о ней просто сотрут из документов Святого престола. Хорошо бы барон поверил в слова о нападении чудовища. Было оно, это нападение, или нет – значения не имеет, важен лишь успех миссии. А чтобы добиться успеха, надо смотреть дальше всех – и дальше врагов, и дальше союзников. *Особенно* дальше союзников. Священник сдержал улыбку. Пусть барон считает, что инквизицию привело в город стремление помочь людям. Тогда отцу Иоахиму придется гораздо легче.

– Тварь? – вскинул брови фон Ройц.

– Так сказано в донесении. Но мы избавим горожан от угрозы. И хоть со мной лишь юный послушник да телохранитель, но даже этих малых сил достанет для победы, и люди убедятся в том, что мы им – лучшие защитники. Разве не удивительно, если потомки тех, кто изгонял из этих земель наших скромных служителей два столетия тому назад, теперь сами призовут нас в защитники?

– Поистине удивительно, – ответ прозвучал двусмысленно, и, чтобы убедить инквизитора в своей искренности, Ойген перекрестился. Он уже ждал: сейчас священник попросит поддержки, ведь силы его и впрямь скромны. И не ошибся.

– Сегодня мне важно знать, фрайхерр фон Ройц, окажете ли вы помощь посланникам Святого престола? – истово произнес отец Иоахим, глаза его блеснули. – Или в схватке со злом нам придется рассчитывать только на себя?

В борт возка постучали, и барон откинул занавесь с забранного ажурной решеткой узкого оконца:

– Что случилось, Николас?

– Экселенц⁸, вы просили предупредить, когда мы поравняемся с границей городских владений, – сообщил министерал⁹.

– О, благодарю. Скажи вознице, чтобы остановил.

Когда экипаж замер, барон распахнул дверцу и легко выпрыгнул наружу. Он потянулся, разминая затекшие мышцы, щурясь, поглядел на солнце, хлопнул ладонью по верхушке поросшего мхом милевого камня.

– Святой отец, не желаете выйти?

Инквизитор нехотя высунулся из возка, спустился по лесенке.

– Смотрите, – вытянул руку Ойген.

⁷ *Конрад Марбургский* – первый инквизитор Германии, убит в 1233 году рыцарями за чрезмерную жестокость по отношению к еретикам.

⁸ *Буквально*: ваше превосходительство. Почтительное обращение к дворянину.

⁹ В средневековой Европе представитель мелкого рыцарства, владеющий небольшим феодалом (т. е. землями, жалуемыми сеньором вассалу за службу) и обязанный военной службой королю либо крупному феодалу.

В ложбине между отрогов гор, одетых в золото и багрянец осеннего леса, лежал небольшой городок. Вокруг простирались опустевшие поля – урожай уже сняли, и только местами на стерне высились копенки соломы. За серым поясом крепостной стены сгрудились дома, среди которых виднелись кубик ратуши и острый шпиль церкви. В ворота вползала цепочка подвод – наверное, купцы прибыли на ярмарку. К прозрачному небу поднимались чуть заметные дымки.

Фон Ройц втянул носом воздух.

– Хлебом пахнет... – сказал он, хотя даже самый чуткий нос вряд ли уловил бы на таком расстоянии запах свежего печева.

– Ну так что вы скажете насчет нашего сотрудничества, барон? – вполголоса спросил инквизитор.

– Отец Иоахим, вы ведь считаете, что наша встреча неслучайна, – Ойген скупно улыбнулся. – Кто я такой, чтобы противиться Провидению?

2

Странно они смотрелись вместе – дворянин и священник, рыцарь короны и инквизитор. Человек, полагавший смыслом своей жизни возвышение империи, и слуга Божий.

«Нет, не Божий, – мысленно поправил себя Николас, – папский слуга. А Риму возвышение империи ни к чему. Даже если она называется Священной Римской».

Врагов своих следует знать, как пальцы собственной руки, так что интерес, проявленный бароном к отцу Иоахиму, не был удивительным. Зато вызывала подозрение улыбка, расплывающаяся сейчас на круглом лице инквизитора, – тот был явно чем-то очень доволен. Неужели они с Хладнокровным Ойгеном пришли к какому-то соглашению? Николас поймал себя на том, что нервно кусает губу: чертова привычка, никак от нее не избавиться!

Лошадь под ним переступила с ноги на ногу и потянулась губами к кусту орешника – сорвать желтеющий лист. Они с самого утра в пути, а солнце уже начинает клониться к закату. И ехали сегодня почти без привалов, намереваясь поспеть к городским воротам еще до темноты. Все устали, все проголодались – что люди, что животные.

– Похоже, наш ворон спелся с пауком.

В голосе говорившего звучала ничем не прикрытая насмешка, и Николаса неприятно поразило, насколько эти слова оказались созвучны его собственным мыслям. Обернувшись, он встретился взглядом с голубыми глазами Оливье Девенпорта – капитана сопровождавшего их отряда. Тот сидел в седле мощного каурого жеребца и, расслабленно откинувшись назад, отдыхал. На губах наемника играла привычная усмешка, делавшая его похожим на сытого, довольного жизнью пса... или на волка – этот зверь натуры француза подходил куда больше. Он и внешне напоминал лесного хищника: поджарого, жилистого, быстрого и точного в движениях. И опасного.

Капитаном у фон Ройца Оливье стал четыре года назад, и Николас по сей день гадал, с какой стати барон доверил своих бойцов пришлому человеку. Где Оливье родился, где за тридцать семь лет успел побывать и что натворить? Прошлого француза затерялось где-то между Бургундией и Константинополем, и кажется, даже Хладнокровный имел о нем довольно смутное представление. Дерзкий и самоуверенный, ядовитый на язык, как сам дьявол, Девенпорт так и не снискал у Николаса приязни. В конце концов молодой человек смирился: как ни крути, а капитан дело свое знает крепко и барону искренне предан.

– Господин фон Ройц знает что делает, – холодно заметил Николас. – Надеюсь, ты не намерен оспаривать его решения?

– Ma foi,¹⁰ нет! – Француз пожал плечами. – Дела ворона – это дела ворона. Нам, мышам, в них лучше не соваться.

И осклабился по-волчьи. Николас вздохнул.

– Когда-нибудь тебя повесят, Оливье. На твоём же длинном языке.

– Да будет тебе, месье Коля, я не из тех, кого вешают за болтовню. Когда следует молчать, мой рот остается закрытым. Будь иначе, я бы не протянул в Адрианополе полных три месяца и уже, верно, поджаривался бы на вертеле в османском аду.

– Что ты делал в Адрианополе?

– Скучал.

Девенпорт с безучастным видом смотрел на лежащий в отдалении город. Николас не стал настаивать, француз все равно ничего к сказанному не добавит, будет лишь ухмыляться и злить собеседника пустословием.

– Едем дальше! – громко объявил барон.

¹⁰ *Ma foi* – поверьте мне, буквально: моя вера (фр.).

Они с инквизитором вновь забрались в возок, кортеж вытянулся по дороге привычным порядком. Николас ехал впереди, поглядывая по сторонам с вниманием, положенным телохранителю императорского посланника. Рядом держался Карл Зальм, семнадцатилетний оруженосец фон Ройца. Юноша сидел в седле прямой, как жердь, и на окружающий мир взирал с видом важным и независимым, будто на свою собственность. Две недели утомительного пути не избавили паренька от чувства собственной значимости – ведь барон взял с собой в эту поездку именно Карла, а не братьев Эбербаум, его друзей и вечных соперников.

Позади министриала и оруженосца ехали вассалы барона – благородный рыцарь Дитрих фон Шеербач и его сын Гейнц. Давно минули те времена, когда благородство Шеербачов подкреплялось содержимым денежных сундуков в подвалах родового поместья. Зато седоусый рыцарь ударом кулака в латной перчатке превращал железный салат¹¹ в сильно помятую сковороду, а на пару с сыном они запросто поднимали груженный баронский экипаж – полезные умения в дальней и небезопасной дороге.

На самом возке – кучер Йохан и Хорст, слуга барона. Кучер правил, слуга сидел хмурым нахохлившимся сычом, баюкал на руках заряженный арбалет – попробуй сунься к хозяину без спроса.

Еще двое всадников неспешно рысили позади скрипящей на рытвинах повозки. Люди инквизитора: юнец-писарь по имени Кристиан и Микаэль – не монахи и, кажется, не простой наемник, крепкий малый со взглядом бывалого воина, столь же опасный, как Девенпорт, но, в отличие от француза, молчаливый и добродушный. Вот только Николаса не проведешь. Если капитан – волк, всегда собранный, злой, готовый броситься на добычу, то Микаэль – это рысь: ходит мягко, обманчиво расслаблен, движется плавно, неторопливо. Пушистые, неопасные с виду лапы большой кошки таят до поры острые иглы когтей. Вот и человек отца Иоахима наверняка такой же – тронь его или инквизитора, вмиг пожалеешь, что на свет родился.

Замыкали кортеж Оливье и подчиненный ему десяток солдат. Все в кольчугах, вооружены до зубов, у француза вон даже ручница¹² к седлу приторочена. Ясно, что никакие разбойники не полезут на полтора десятка мечей и секир, и, значит, нет смысла истекать потом под тяжелым железом. Но Девенпорт утром приказал своим людям ехать в броне. Зачем? А чтоб служба раем не казалась. Может, встал капитан не с той ноги, а может, сон ночью скверный увидел... Николас, привыкший не отмахиваться от чужих предчувствий, тоже поверх роскошного темно-синего жиппона¹³ натянул стальную рубаху. С него не убудет, а так и впрямь спокойнее. Ойген фон Ройц не желанным гостем едет в Шаттенбург, осторожность лишней не будет. Вон впереди горка, густо поросшая дикой малиной, – отличное место для засады.

– Ты все озираешься, Николас, – заметил снисходительно Карл. – Мы почти на месте, а ты крутишь головой да брови хмуришь. Здесь уже людные места. Да и кто осмелится напасть на посланцев императора?

– Например, тот, кто не признает в тебе императорского посланца, друг мой Карл. Если какой-нибудь дикий горец всадит в тебя стрелу, мечтая снять с твоего еще теплого тела кошель и бархатный камзол, кто будет ему кричать про нашу важную миссию?

– Пустое говоришь, – скривил губы оруженосец, но в глазах его отчетливо мелькнула неуверенность, и юноша против воли скользнул взглядом по малиннику на горке. Миг спустя потревоженное самообладание уже вернулось к нему, и Карл фыркнул с досадой:

¹¹ Салат – вид средневекового шлема.

¹² Ручница – один из первых образцов ручного огнестрельного оружия в Европе.

¹³ Жиппон – стеганный камзол, французская разновидность дублета. Мог надеваться под доспехи, но часто носился просто как верхняя одежда.

– Слишком уж ты боишься за свою жизнь, Николас! Не пристало рыцарю трястись из-за всякой безродной швали. Пусть хоть сотня разбойников выйдет на дорогу, что они смогут с дрекольем против мечей?

– Я мог бы, любезный Карл, напомнить тебе о крестьянах из Альбиона, уложивших в поле возле Креси цвет французского рыцарства. И ста лет не прошло, как они проделали эту штуку.

– Не путайте английских йоменов с сервами, месье Коля, – посоветовал внезапно появившийся по левую руку Девенпорт. – При Креси и Азенкуре¹⁴ свободные люди дрались со свободными людьми. Так ли уж важно, кто из них имел меч и рыцарскую бригадину¹⁵, а кто – лишь кожаную куртку да длинный лук? Не происхождение решило дело, а воинское мастерство.

К раздражению от неожиданного вмешательства капитана добавилось острое любопытство: француз вмешался в чужой разговор, да еще и выступил с несвойственной ему горячностью – с чего вдруг? Помнилось: глухая броня наемника дала трещину, меж пластин надежного панциря показалось на миг живое тело... Николас не удержался от соблазна, ткнул в щель кинжалом догадки:

– Давно хотел спросить, Оливье. Для француза у тебя слишком английское родовое имя...

И он, похоже, попал, ибо ответный удар капитана был безжалостен:

– Как и у тебя, *mon ami*,¹⁶ для французского имени слишком саксонский говор.

Николас надеялся, что загар спрячет бледность, покрывшую его лицо. Проклятый Девенпорт точно угадал, куда бить.

Вопреки опасениям, последние лиги они проехали без происшествий. Скоро лес выпустил баронский кортеж из зеленых объятий, и город открылся перед путниками во всей красе высоких крепостных стен и массивных башен. Вокруг рва со стоячей водой теснились десятки домов, которых не смогло вместить каменное брюхо Шаттенбурга. Здешнему предместью, впрочем, было далеко до обширности берлинского; случись к городу подступить неприятелю, эти лачуги сгорят за пару часов.

Впрочем, какой неприятель заберется в эдакую глушь? Зачем? Лучше любых стен город защищен от алчных соседей своей удаленностью. Если Шаттенбург заигрывает с чешской ересью, помешать этому военной силой будет непросто. Потому и прислан сюда Ойген фон Ройц, вернейший из верных, – он должен решить дело малыми усилиями, утвердить в этом медвежьем углу власть империи, убедить сомневающихся, упредить предателей. Сегодня барон и горстка его людей – это и есть армия императора.

«А я в этой армии – засадный полк», – подумал Николас и усмехнулся.

¹⁴ *Битвы при Креси (1346) и Азенкуре (1415)* – крупные сражения Столетней войны (1337–1453). В обоих численно превосходящее французское войско было наголову разбито англичанами, умело использовавшими рельеф местности и очень эффективно применявшими лучников против тяжеловооруженных рыцарей.

¹⁵ *Бригантина* – доспех из железных пластин, наклепанных под суконную основу. В XIII–XIV веках бригантина была самым распространенным рыцарским доспехом.

¹⁶ *Mon ami* – мой друг (фр.).

3

Мурлыкая себе под нос бесконечную песенку – одну из тех, под которые так славно работается, Ругер фон Глассбах подрезал розовые кусты. Скрипел садовый ножик, хрустели срезаемые ветки, и листва осыпалась на взрыхленную почву.

Загляни сейчас через невысокий заборчик какой-нибудь приезжий, он бы ни за что не поверил, что возящийся с кустами полноватый человек в холщовых штанах, веревочных сандалиях и бесформенном суконном балахоне – не кто иной, как сам господин бургомистр. Гость города решил бы, будто это почтенный отец семейства из ремесленников коротает в саду теплый осенний вечер. А вот шаттенбуржцы не удивлялись: каждый знал про страсть бургомистра к садовому делу. Она была тем удивительнее, что больше никто из местных ничем подобным не увлекался. Конечно, есть кое у кого плодовые деревья или ягодники, есть овощные грядки, а вот из декоративных растений – разве что шиповник в монастыре цистерцианок, что неподалеку от города. Но настоящих роз нет ни у кого!

– Ах, отлично! – пробормотал Ругер, отступая на пару шагов и критически оглядывая куст. – Красота!

Саженцы он приобрел у заезжего купца три года назад. Тот долго заливался соловьем о том, как прекрасны сады Мадрида и Барселоны, утопающие в розовом цвете, как лучи солнца дробятся в каплях росы, что покрывает по утрам огромные, с голову человека, бутоны, и как птицы едва ли не падают на мостовые: настолько густ дурманивший цветочный запах. И клятвенно обещал, что совсем скоро сад достойного господина Глассбаха – стоит только купить эти замечательные саженцы! – станет почти как сад мадридского городского головы, ну разве что самую малость поскромнее. Да и то потому лишь, что солнце в Испании греет не в пример жарче, чем в Саксонии.

Цену купец заломил несусветную, но Ругер недрогнувшей рукой отсыпал ему серебра – и, прижав к груди завернутые в холстину саженцы, почти неприличной для его положения рысью помчался в свой сад.

Розы приживались плохо, болели. Днем, разбираясь с городскими делами, фон Глассбах нет-нет да и заглядывал посмотреть, как чувствуют себя его любимицы. Долгими холодными ночами укутывал чахлые кустики холстиной, ворошил дымный костерок, согревая питомиц теплом. Удобрять землю лучшими в округе навозом и золою, подсыпал песок и вносил глину, даже выписал из Берлина книгу «О растениях, произрастающих в странах ближняя и дальняя, и возделывании их на радость добрым христианам». То ли книга помогла, то ли ночные бдения, но розы постепенно оправались и пошли в рост. По этому случаю бургомистр откупорил бутылку хорошего рейнского, напился пьяным и даже заехал в глаз шурина, сказавшему, что ради таких уродцев не стоило и стараться. Зря, конечно, дал рукам волю – шурином круглый дурак, как и его сестрица, Ругерова жена. Но все же стерпеть такого пренебрежения своими красавицами он не мог.

Конечно, походить на мадридский его сад не стал: бутоны не вырастали размером даже с женский кулачок, какое уж там «с человеческую голову». Да и птицы на лету от ароматов не падали, по правде сказать, ароматы эти и вовсе были едва заметны.

Однако Ругер фон Глассбах все равно гордился своими цветами. Все-таки единственные розы на сотню миль вокруг – не шутка! Да и Эльзе они очень нравятся. Ах, Эльза... Жаль, что кусты отцвели, и завтра придется идти к ней с корзинкой медовых сладостей. Впрочем, до них она большая охотница.

– Ругер!

Бургомистр едва не подпрыгнул – этот визгливый надоедливый голос и без того приводил его в оцепенение, а когда Марта кричит вот так неожиданно...

– Ну я так и знала, что найду тебя здесь, подле твоих *розов*! А где ж еще тебя искать! – протарахтела женщина в огромном вычурном кружевном чепце, совершенно не гармонировавшем с простым строгим платьем. Впрочем, и платье на ней сидело как седло на корове.

Глядя на жену, Ругер в который уже раз подумал, что преимущества браков по расчету все-таки слишком преувеличены. Увы, три десятка лет назад эта простая истина не казалась столь очевидной. Тогда у него от всех богатств остался только титул: поместье, и без того не из крупных, было заложено и перезаложено папашей-кутилой, отдавшим Богу душу прямо в кабаке. Зато у отца Марты, купца Вернера, который и ссужал Глассбахам, деньги имелись; а еще имелась дочка на выданье и огромное желание хоть плечом прислониться к родовому гербу, пусть и захудалому. Так и решилась судьба Ругера фон Глассбаха, восемнадцатилетнего провинциального дворянина. А какие были мечты!

«Стерпится – слюбится», – говорила мать. Черта с два! Хорошо хоть, Бог детей не дал: при мысли, что из его чресел вышли бы такие же остолопы, как Марта и ее братец, Ругеру становилось дурно. А ведь не предвидишь, как оно сложится: вон у самого Вернера голова золотая, дети же – дураки дураками. Вот в чем родство с ушлым торговцем пошло на пользу, так это в делах, иначе вряд ли стал бы фон Глассбах бургомистром. И дом сейчас полная чаша. А что до любви – так у него есть Эльза. Ах, Эльза...

– Подожди, что я сказать-то хотела, шла-то зачем? Зачем, зачем...

«Вот именно – зачем? Эх, ты, бестолочь, – он с привычной жалостью глядел на трясущую выбившимися из-под чепца кудрями жену. – Вспоминай уже и проваливай от моих розов... Тьфу ты, роз!»

– Про что же, про что я забыла? Может, про ужин? На ужин у нас цесарка с чечевицей...

«И кухарка наша – такая же бестолочь, только провизию переводит. Цесарка с чечевицей, надо же! Не хватало еще заливного из свинячьих хвостов...»

– ... и заливное из хвостиков, все как ты любишь, милый!

Ругера передернуло – и от предстоящего испытания трапезой, и от «милого».

– Угу.

«Надо в погребок спуститься. Под рейнское и хвостики сойдут, а вообще-то там можно и колбасу прихватить. О, точно! Кружок кровяной в самый раз будет».

В городе скотину на зиму забивали пару недель тому как, и многие горожане уже успели наделать колбас. А попозже ветчинка поспеет, тогда уж никакие кухаркины сумасшествия ему аппетита не испортят.

– Нет, это все не то, не то, – продолжала Марта. – Но что же... Ох, ну конечно! Там же к тебе посыльный с депешей!

– Посыльный... – Смысл сказанного не сразу пробился сквозь мысли о колбасе. – Посыльный? Откуда?

– Да от начальника воротной стражи, от кого же еще! – всплеснула руками жена.

«Да уж, действительно – будто бы больше не от кого. Бестолочь!»

Сунув нож в поясную сумку и не обращая внимания на Марту, бургомистр заспешил в дом. За порогом на крыльце переминался вихрастый рыжеволосый парень в кожаной куртке стражника. На поясе дубинка, в руке короткое копьё.

– Что случилось, Дитрих? – спросил Ругер, и парень зарделся: сам городской голова помнит его имя!

– Г-господин б-бургомистр, – запинаясь от волнения, сказал стражник. – Там ить целый поезд в город припожаловали! Сейчас через Нижние ворота проходят! Н-народу – тьма, душ двадцать! Прямоком к вам едут. Мы им – пожалуйста, мол, на Ратушную площадь, там встретят вас как положено, по-благородному, а они: нет, мол. Вот, значит, сюда и наладились. Дядька Фриц... н-ну то есть г-господин десятник, меня сразу сюда, значит, и послали: мол, упреди г-господина бургомистра, чтобы встречал гостей.

– А кто, кто едет-то?

– Один сказал, вроде как барон – императорский посланник, и с ним толпа оружных. Все с мечами, так глазами и зыркают по сторонам. А еще... – Парень доверительно понизил голос: – А еще, г-господин бургомистр, с ними инквизитор, вот как.

– Вот так новость. Посланник! Инквизитор! – Фон Глассбах потер лоб. – Новость.

– Г-господин бургомистр, – кашлянул стражник, – вскорости подъедут уже. А вы...

– Ох ты, – всплеснул руками Ругер, – и в самом деле! Стой пока здесь, подъедут – скажи, спущусь сейчас.

Он как раз успел помыть руки, умыться и облачиться – «да-да, Юрген, поскорее тапперт¹⁷ подай – да не этот, а парчовый! И цепь, конечно же, цепь!» – прежде чем со двора донеслось ржание лошадей, стук копыт и скрип осей возка. Погано, конечно, получилось: гости важные, а их даже встретить толком не сумели! Если б заранее знать, так почетный караул за ворота бы вывели в парадных одеждах. Потом – добро пожаловать на Ратушную площадь: там и ратманы¹⁸, и священники, и вся знать. А тут – вон как вышло... Эх!

На крыльце он показался как раз вовремя, чтобы увидеть, как спешиваются прибывшие. Тут же вылетела Марта, расфуфыренная до невероятия: когда только успела переодеться да набелиться?словно клещами, вцепилась в локоть: ни дать ни взять любимая супруга.

Просторный двор вмиг стал тесен: люди заполнили его, как подымающееся тесто квашню. Ругер насчитал дюжину вооруженных мужчин в кольчугах и дорожных кафтанах – оруженосцы, телохранители, слуги. И это еще не все – похоже, кто-то и за забором остался. На самом же заборе гроздьями висела шаттенбургская малышня, таращилась на невиданное зрелище.

Бросился в глаза худощавый парнишка в монашеской сутане: это, что ли, инквизитор? Не может быть, шибко молод. Прибывшие тем временем выстроились в две линии, образовав этаким коротким коридор от массивного и приземистого экипажа к крыльцу дома. Ага, вот и главные гости!

– Приветствую вас в Шаттенбурге, – сказал бургомистр, когда к крыльцу подошли два человека, непохожие друг на друга настолько, насколько могут быть несхожи меж собою люди.

Один – рослый, поджарый, в неброском, но явно дорогом тапперте из узорчатой парчи с серебряными колокольцами по подолу, узких парчовых штанах и сафьяновых сапогах. На боку меч, ножны и рукоять которого – как, впрочем, и у всех прибывших – уже охвачены толстым шнуром с восковой печатью: никому не позволено невозбранно обнажать оружие в пределах городских стен. Другой – тучный, с выбритой на макушке тонзурой, под черной уличной мантией – белая сутана с капюшоном, хоть и просторная, но не скрывающая объемистого живота. Белая сутана! И впрямь доминиканец-инквизитор! Пресвятая Богородица!

– Доброго дня и вам, господин бургомистр, – коротко кивнул поджарый. – Посланник его величества барон Ойген фон Ройц...

– ... и посланник Святого престола отец Иоахим, – продолжил священник. – Вы звали к помощи матери нашей, святой церкви, и она откликнулась, как всегда откликается на просьбы своих добропослушных чад.

Оба высоких гостя протянули городскому главе запечатанные свинцовыми буллами свитки.

– Прошу в дом, – приняв грамоты, Ругер сделал приглашающий жест. – Почту за честь...

¹⁷ Тапперт – вид верхней мужской одежды, у дворян зачастую – с рукавами-буфами.

¹⁸ Ратманы – здесь: члены городского совета.

Барон и инквизитор переглянулись.

– Пожалуй, мы не станем злоупотреблять вашим гостеприимством, – ровным голосом сказал фон Ройц. – Мы очень устали с дороги и хотели бы поскорее расположиться на отдых. Да и час уже поздний.

– Конечно, дел у нас много, – подхватил инквизитор, – но будет уместнее начать их с рассветом дня нового.

– Что ж... – От растерянности у бургомистра даже дыхание перехватило. – Тогда... тогда я провожу вас к постоялому двору. Конечно же, к лучшему.

– Это было бы очень уместно, – сказал отец Иоахим. В его глазах, как показалось Ругеру фон Глассбаху, он прочел сочувствие. И от этого на душе у шаттенбургского головы стало совсем скверно.

* * *

– Ах, право, какая все же радость, что гости устали с дороги! Как удачно, правда, милый? – Марта погладила по плечу вернувшегося супруга. – Ведь у нас и не прибрано, и угощения бы ждать пришлось долго. Они поняли, наверное, что врасплох нас застали, потому и не стали входить. Ах, какие воспитанные люди – сразу видно, не из нашего захолустья!

Ругер хотел было доходчиво объяснить Марте, какая она дура, но только рукой махнул. Воспитанные, как же! Тут каждый, у кого хоть чуть-чуть сала в башке есть, должен понимать – от таких визитов жди только беды.

Но ничего, может, вкусив шаттенбургского гостеприимства, гости хоть немного сердцем размякнут. Чтобы определить прибывших на постой, фон Глассбах первым делом лично отправился в «Кабанчик», лучший городской кабачок, – там тебе и стол, там тебе и комнаты. Кабачок принадлежал Кунрату Хорну, человеку более чем сообразительному. Тот уже знал о приезжих и буквально с порога сообщил Ругеру, что *особый* ужин скоро будет готов, лучшие вина уже поднимаются из погреба, а подавать угощение будут самые миленькие служанки. Хоть на кого-то положиться можно.

Он дернул себя за короткую бороду. Стукнуло же его два месяца назад подписать то клятое прошение! Дети в лесу пропали: так редкий год кто-то не пропадает! Те двое мальцов, что прибежали в город все в слезах, конечно, наплели про какое-то чудовище небывалое... Вот именно наплели! А ему теперь расхлебывай!

Ругер без сил опустил в резное дубовое креслице, присланное сестрой аж из самого Бремена.

«Ах, Эльза, как нужно мне твое утешение!»

День второй

1

Прощай, мир провожающий, мир знакомый. Оставайся в покое, меняйся органично, избегай катаклизмов и катастроф. Спасибо тебе, ты был добр к путнику – принял как друг, отпустил без помехи. Быть может, когда-нибудь он еще увидит твои белые пески и алые оазисы, окунется в озера с прозрачной водой, услышит торопливый щебет существ, что строят среди бескрайних дюн башни из матового стекла. Они так торопятся жить, эти зодчие белых песков... Может, однажды еще доведется путнику тронуть прозрачные струны, подарить радушным хозяевам мелодию, сложить слова в новую песню.

Междумирье держит цепко, жадно. Хватает за руки, за полы одежды, пытается спутать ноги. Оно обжигает, не согревая, оно обманывает и ослепляет, в его объятиях стынет кровь. Оно сдирает с души, как со спелого плода, кожуру мыслей, чувств, воспоминаний. И плывут в липком, вязком, пугающе живом тумане мороки – причудливые образы, формы, обрывки памяти. Где-то среди них прячется след, едва угадывается нужная тропа...

Отпусти путника, слой промежуточный, слой-привратник. Не пугай мороками, не сбилай с пути. Забери то, что причитается тебе по праву, но не зарься на большее. Не первый день мы знакомы, и ты знаешь предел моих сил – он слишком велик для тебя.

А вот и тропа... и в конце ее – дверь.

Будь добр, мир принимающий, мир-незнакомец. Будь светел и чист, полон жизни и многообразен. Дай приют путнику, ступившему к тебе на порог, – он не злоупотребит твоим гостеприимством. Он ответит добром на добро, не оставит грязи, не принесет беды. Он лишь коснется твоей сути, посмотрит на нее, запомнит... и скоро уйдет.

* * *

О-о-ох...

Здесь утро. Раннее, тихое, безветренное, напоенное свежестью и прохладой. Колоннада деревьев вокруг маленькой, идеально круглой поляны – куда взор ни кинь, везде высятся стройные стволы, высоко над землей увенчанные пышными кронами. Лес.

И туман... Нет, не тот туман, что остался позади, – живой и хищный. Обычная утренняя дымка – влажная, прохладная. Белые пряди стелятся над землей, рваными клочьями цепляются за ветки кустов, за темный изумруд листвы, едва начинающий подергиваться золотом и пурпуром. Осень. В этом мире гостя встретила осень.

Он зажмурил глаза и вдохнул полной грудью запахи пробуждающегося леса. Пахло мокрой корой, свежей смолкой и прелью слежавшейся хвои; издалека едва заметно тянуло болотом. Жалобно скрипнуло дерево, пронеслась под густыми кронами заливистая птичья трель, где-то рядом между корней журчал ручеек. Великая Тропа! Как же похоже... на дом!

Он бережно коснулся пальцами скрипучего ствола, залюбовался растянутой между длинных зеленых игл паутиной... *Pinus, pine, kiefer, pin, сосна*... Одно слово, много языков. Значит, те, кто населил этот мир, многочисленны, но разобщены.

Знание само входило в голову – открывало двери, отыскивало в памяти свой собственный, незанятый еще уголок и устраивалось там по-хозяйски.

Вдруг навалилась усталость. Захотелось прямо здесь и сейчас усесться под облюбованную сосну, прислониться спиной к ровному стволу и хоть ненадолго расслабиться. Ощу-

тить течение соков под корой, вслушаться в пение птиц, почувствовать упрямую силу поднимающегося из-под земли и мохового ковра... *grzyb, mushroom, pilz, seta, гриба*. Потянуться бы к неукротимому биению жизни, выпить его в себя, насытиться им и обновиться. А потом постепенно охватить это место своим разумом, познакомиться с ним, подружиться, стать его частью. Через два-три дня этот лес примет его, как родного, а через десять дней он сам будет знать здесь каждую тропку, каждую поляну, каждый чистый родник.

Заманчиво, что и говорить, но сперва неплохо бы понять, куда его привела Тропа. Пусть сейчас не ощущается опасности, весь прошлый опыт подсказывает: осторожность не помешает. Отдых может и подождать, сперва – осмотреться, все разведать.

Туман потек навстречу – как всякий порядочный туман, он не пытался удержать идущего, лишь послушно расступался перед ним, деликатно ощупывая призрачными пальцами полы длинного темно-серого плаща. А за спиной путника, почти в самом центре круглой поляны таяло, затягиваясь молочной дымкой, нечто странное и чужое для этого леса: там будто камень кинули в воздух, как в воду, и от места падения шла теперь, медленно затухая, мелкая прозрачная рябь. Проход затягивался, зарастал... Чтобы надежно его закрыть, гостю пришлось потратить немало сил, зато теперь пройдет лишь пара дней – и от прозрачной ряби вовсе не останется следа. Еще бы научиться столь же надежно запечатывать точку *входа*... Насколько это упростило бы жизнь.

* * *

Направление он выбрал наугад, уверенный, что интуиция его не подведет. И не ошибся: всего через пару сотен шагов ноги вынесли прямо к дороге. Основательно укатанная колея вела через просеку, стены тумана будто обрезали ее с двух сторон. Однако. Руководствуясь все тем же опытом, он готов был встретить признаки жизни самое раннее к полудню. А тут на тебе – дорога. Да еще и наезженная. Обычно *чувство пути* не подводило, и проход в очередной мир он открывал поодаль от очагов разумной жизни.

Внимание привлек необычный звук, донесшийся из туманной стены слева. Птица? Нет, чуткие уши быстро подсказали: скрипит дерево, вернее – несколько кусков дерева, ритмично трущихся друг о друга. Причем звук приближался, и уже можно было различить вплетающийся в скрип размеренный топот. Если верить собственным ощущениям, то не иначе – повозка едет.

Телега. Именно это слово пришло на ум, когда неизвестный экипаж наконец-то оказался в поле зрения. Обычная деревянная телега, сквозь решетчатые борта которой торчали во все стороны клочья грязно-желтого сена. Скрипучее сооружение о четырех колесах влекла самая что ни на есть заурядная *лошадь*. Определенно, не самая упитанная из когда-либо виденных им лошадей. Да-да, уже однажды виденных, знакомых, осевших в памяти. Возница подремывал, ссутулившись на облучке, – повод на руку намотал и ушел в мир грез. *Человек*...

Что ж, с людьми ему встречаться приходилось. Не здесь и не с этими, но приходилось. Люди – не худший вариант. Среди них проще освоиться, их речь хорошо подходит для его связок, и, значит, можно задержаться здесь подольше, чтобы отдохнуть. Даже одежду, возможно, менять не придется, если судить по вознице. Ну, может, слегка странноватыми покажутся местным жителям его плащ и высокие кожаные сапоги – не беда. Небось чужестранцы и здесь встречаются. Впрочем, проверить недолго.

Он неторопливо вышел к дороге и встал на обочине, поджидая телегу и прикидывая, как бы окликнуть сидящего в ней, чтобы не слишком напугать. Помогла лошадь, при виде незнакомца сбившаяся с хода и громко всхрапнувшая. Возница вздрогнул, разом пробудившись, тревожно вскинул голову.

– Тпр-р-ру-у-у!

Приподнявшись, человек всмотрелся в замершую у дороги фигуру. Немолодой уже, за полста перевалило. Лицо суховатое, все в мелких морщинках, торчащие из-под широкополой соломенной шляпы темно-русые волосы тронуты сединой. На плечах какая-то потрепанная хламида неопределенного цвета и возраста. Ноги так и вовсе босые. И не холодно ему?

– Эгей, – окликнул между тем возница, опасливо сверкая глазами из-под шляпы. – Кто таков будешь, добрый господин? И куда путь держишь?

Чужой язык – не проблема для истинного странника. Если ты сумел объясниться в паре сотен миров, сумеешь объясниться везде. Звуки услышанной речи вошли в голову, что-то сдвинули там внутри и, пройдя через рассудок и то, что у каждого разумного властвует над рассудком, преобразовались в слова ответа:

– Я простой путник. Иду куда глаза смотрят. А смотрят они на эту дорогу.

– Сталбыть, в Шаттенбург, – возница, видя спокойствие незнакомца, похоже, и сам немного успокоился, и даже руку убрал с топора, что лежал сбоку в телеге. – Ну, коли так... садись уж, чего ноги зря топтать.

– Благодарю. Да только надо ли мне туда, еще не знаю. Что за город?

– Видать, ты издалека будешь, господин. Шаттенбург – большой город, там народу пять тыщ душ живет. То мне мельник Воган сказал, а уж он-то языком зря трепать не станет, мельник-то. В Шаттенбурге и дома каменные о двух этажах, и даже ратуша своя. И церкви там тоже каменные. А уж торгового люду съезжается на ярмарку – не протолкнуться. Шаттенбург это... Шаттенбург! Во!

Возница многозначительно поднял вверх правую руку и проткнул указующим перстом туманные пряди.

– Так едешь, добрый господин?

Что ж, пусть будет Шаттенбург. Он обошел телегу сбоку и уселся на борт.

– Как звать-то тебя, господин?

В голове немедленно возникло множество вариантов... Великая Дорога, сколько же здесь языков! Он поколебался, выбирая.

– Перегрин, – представился, наконец. – Так меня зовут. И для тебя я, пожалуй, не господин.

– Ну, коли по-простому желаешь, тогда я Клаус. Платы с тебя, приятель, за извоз не попрошу, но вот ежели ты мне кружку пива в «Летучей рыбе» поставишь... кхе-кхе...

– Отчего же не поставить, – улыбнулся новоявленный Перегрин. – Поставлю и пару. Хорошему человеку не жалко.

– Ну тогда держись, почтенный, мы еще до полудня на месте будем! Н-но, кляча!

Возница хрипло крикнул, дернул вожжи, и воз, отчаянно скрипя, затрясся по неровной колее навстречу туману и ждущему где-то там, впереди, городу Шаттенбургу.

* * *

В глубине леса, посреди маленькой круглой поляны медленно затухала разбегающаяся от «падения камня» прозрачная рябь. Грибник или охотник, случись им выбрести сюда в поисках добычи, едва ли смогли бы хоть что-то приметить. Впрочем, еще на подходе они почувствовал бы себя неудобно и, не задумываясь, почему это делают, обошли бы светлую полянку стороной.

Воздух вдруг всколыхнулся, треснул разорванной простыней, из прорехи, ведущей в никуда, ударили серые полупрозрачные струи – там, где они коснулись травы, зелень темнела и скукоживалась, точно опаленная невидимым пламенем. Что-то выглянуло оттуда –

из мутного клубящегося *ничто*, окинуло туманный лес пронзительным взглядом и внезапно рванулось наружу, силясь выйти, выбраться, словно дитя из материнской утробы. Клубящееся ничто не пустило, вцепилось, потащило назад. Над поляной пронесся длинный протяжный стон. Миг – и серые струи все до единой втянулись обратно, прореха исчезла, заросла, как не было ее вовсе. И снова лишь слабое марево дрожало в холодном утреннем воздухе. Едва заметное и тревожное.

2

Колокол на Часовой башне отбил полдень. Бомм... Бомм... Его размеренный и тягучий голос прокатился по улицам города, достиг Западных ворот и заставил переглянуться двух всадников, въезжавших под высокую каменную арку. Оба были молоды, а в остальном сходства меж ними имелось не более чем между дубовым листом и листом клена. Один рослый и стройный, с черными волосами, собранными на затылке в пушистый хвост. Темноглазый, красивый, одетый броско, не по-походному: глянешь на такого – потом не скоро забудешь, особенно если ты юная влюбчивая девица. Мало того что красавчик, так еще и благородных кровей – на стражников у ворот приезжий смотрел со снисходительной брезгливостью, как на путающихся под ногами дворовых щенят, и слова бросал небрежно, точно медяки попрошайкам:

– Я в Цвикау еду, у меня дело к тамошнему бурмистру. Чистый шинок¹⁹ есть в вашем городе? Все кости растряс в седле, хочу отдохнуть здесь день или два.

А парень при нем – ну ясное дело, слуга, кто же еще. Коренастый, русоволосый, с грубоватыми чертами лица – неприметный такой малый, совсем другой породы, бледная тень своего господина. Он сидел в седле ссутулившись, хмурился и кривил губы. А как колокол городской услышал – вздрогнул и покосился на спутника. Тот успокаивающе подмигнул:

– Не дергайся, брат, ты притягиваешь к себе взгляды больше, чем мой шаперон²⁰. Будь естественнее.

– Только не тут, – процедил сквозь зубы коренастый. – Не в этом месте.

– Брось, Марек, ты все-таки человек, а *это место* построено людьми и для людей. Здесь можно жить, и жить недурно.

– Вот уж нет.

– Можно, говорю. Дело привычки.

– Больно надо мне, – зло бросил Марек и отвернулся.

«Бомм!» – ударил колокол в последний раз. Губы красавчика дрогнули в мимолетной улыбке.

– Самое время чего-нибудь бросить в брюхо.

– Я не голоден.

– А во мне звон колокольный всегда аппетит прямо-таки звериный разжигает. Привычка – она вторая натура: в Карловом университете, как звонили к полудню, так мы всегда шли по кабакам. Ох и веселое было времечко...

Русоволосый Марек, услышав это, скривился.

– Давай, брат, давай, покричи в голос: «Прага! Прага!» Порадуй тех, кто имеет уши. Выговариваешь мне, а сам...

– Мы давно не в Силезии, – пожал плечами его товарищ. – Здесь именем чешской столицы навряд ли кого-нибудь напугаешь. Но ты прав, привлекать к себе лишнее внимание нам ни к чему. Я глупость сболтнул, прости.

Марек посопел сердито, потом буркнул:

– Пустое. Ты тоже, Иржи... про меня верно сказал.

¹⁹ *Шинок* (от польск. *szynk*) – питейный дом, кабак.

²⁰ *Шаперон* – средневековый мужской головной убор, напоминающий тюрбан.

* * *

Нет, Марек не был слугой красивого господина по имени Иржи. Впрочем, и тот чьим бы то ни было господином никогда не был. В узких кругах сведущих людей знали его как Ержа из Ченстоховы, но называли обычно Ержем Порохом. За что такую кличку дали? Да бог весть... Не то за вспыльчивую натуру, не то за сомнительную славу алхимика, не то за странную смерть некоего Хортица, старшего сына ченстоховского войта²¹. Этот Хортиц, поговаривали, мог иметь отношение к появлению на свет божий безотцовщины Ержика. Гуляка и бабник, он в свои сорок три года ни одной юбки не пропускал, не брезговал ни купеческими дочками, ни крестьянскими, разве что от шляхетских благоразумно держался подальше. Вот и к Веселине, жене отцовского приказчика, овдовевшей на третий день после свадьбы, Хортиц захаживал не раз и не два. Утешал молодицу. Но как сынок у нее родился – бросил захаживать: хватало в округе и других девиц, жаждущих утешения. Посвежее. А девятнадцать лет спустя в один не слишком прекрасный день у него в руках взорвалась собственная пороховница. Сын Веселины побывал накануне дома – приехал погостить из дальних столичных университетов да прямо той же ночью обратно ускакал, не обернулся. Пробовали искать его... Где там! Ищи ветра в поле.

Может, так все и было, а может, и нет. Иржи делился со случайным приятелем всем, кроме своего прошлого. Ну а Марек и не настаивал. Темная лошадка? Дурная компания? В самый раз для него – последнего человека из рода Яна Клыкача. Они с Иржи были как земля и небо, но общая цель строит лестницы невиданной высоты.

* * *

- Вот, держи. Это за два дня вперед.
- Серебро глухо звякнуло, накрытое широкой ладонью трактирщика.
- Сталбыть, два денька – и дальше тронетесь, благородный господин?
- Человек предполагает, а Господь располагает. Проживем пока эти дни, а уж там поглядим.
- Ишь как вы по-ученому... Не с их светлостями к нам припожаловали?
- Сами по себе припожаловали, – Иржи усмехнулся и спросил с деланным равнодушием: – А что за светлости сейчас в вашем городе?
- Барон со свитой, посланец короля! И с ним – священник-доминиканец! Приехали чудище ловить!
- Это какое же чудище?
- Неужто не слыхали?! Да такое, что летом на детей за дальней мельницей напало и всех пятерых одним мигом разорвало в клочья. Ни один пикнуть не успел, всех жизни лишила окаянная монстра.
- Волк? – приподнял черную бровь красавец гость. – Или медведь?
- И не волк, и не медведь, а вовсе неслыханная и невиданная тварь, благородный господин! Не иначе прямоком из преисподней к нам сюда попавшая! Мальчуган, что ее увидал, потом рассказывал...
- Постой, да ты ведь сказал, что чудище всех разорвало. Откуда мальчик-то взялся?

²¹ *Войт* – в городах Польши глава магистрата (обычно выбирался из зажиточных горожан). В селах – староста, избираемый сельской общиной.

– Так всех разорвало, кроме одного пацаненка, да и тот на другой день помер – со страху-то. И вот он сказывал, будто чудище похоже на лягушку, токма величиной с вола, да с зубищами, как у щуки.

– Зубастая лягушка? – Иржи покрутил головой. – Ну и ну.

– Напрасно не веришь, благородный господин, – обиделся трактирщик.

– Мудрено в такое поверить. А что, сами-то искать не пытались? Охотников не нашлось?

– Ну как же – пытались, знамо. Лесничий наш всю округу облазил, следы искал.

– И не нашел, видать.

– Видать, нашел, благородный господин. Потому как сгинул в горах. Вместе с сынком своим. Так-то.

* * *

– Дыра, – заявил Иржи, с брезгливостью разглядывая скудно обставленную комнатушку: две низкие деревянные кровати, покрытые набитыми сеном матрасами, квадратный стол и помятый жестяной таз для воды на колченогом табурете. – И это стоит пять геллеров²² за ночь? Сдается мне, пройдоха кабатчик нас обжулил.

Он сел на одну из кроватей, вытянул ноги и вздохнул.

– Ладно уж, перебьемся пока. Нам всего-то и нужно – пару дней тут переждать, пока к делу приготовимся. Слышал, о чем трактирщик болтал? Они сюда на чудовищ охотиться приехали. Вот смех.

– Думаешь, правда? – спросил Марек, усаживаясь на другую кровать.

– Да само собой, нет. В такую глушь баронов с рыцарями слать из-за каких-то напугавших горожан мальчишек? Ну уж нет...

– Я не про то. Я про чудище.

– Сказки, – Иржи отмахнулся с пренебрежением. – Крестьяне такие байки всегда сочиняют. Наслушаются проповедей церковников, потом собственной тени бояться – везде им мерещатся черти.

– Но дети-то... – возразил Марек. – Пять душ. Их-то порешили али как? Шинкарь зря не стал бы болтать. Такое зря болтать – с языком можно проститься.

– Двух ребятишек, считай, никак не пятерых. Ну, может, трех. В самый раз для шатуна или для голодной стаи. Ты у меня и впрямь как из чащи вылез, брат. Наивен – чисто дите. Что тебе кабатчик расскажет, то смело дели пополам – и то много выйдет. За слухи в кабаках языки не режут. Если слух хорош, еще и приплатят от щедрот.

– А лесник? А сын его?

– Обвал в горах. Или, что вернее, обыкновенные разбойники. Бродил лесник, бродил, да не туда забрел. И кому его теперь искать охота? Да никому. Чудище сожрало, сам дурак.

– И поганое же место – ваши города! – Марек плюнул с досадой. – Беззаконное!

Иржи расхохотался.

– Еще какое, брат! Еще какое! Но я их на твои чащобы не променяю, здесь – мой лес, мое раздолье. Ничего, обвыкнешься и ты, коли с годик-другой тут поживешь.

– Больно надо мне. Тьфу!

Марек повернулся к двери и толкнул ее ногой.

– Эй, – окликнул его Иржи, – куда собрался?

– Пройдусь.

²² Геллер – здесь медная монета в 1/2 пфеннига, самая мелкая из имеющих хождение в Шаттенбурге.

– Не валяй дурня, – от веселья красавчика не осталось и следа. – Ты и впрямь в городе – словно рыба на берегу.

Либо неприятностей себе на голову сыщешь, либо заблудишься. А хуже того – на глаза попадешься кому не надо. Чем из-за чужих баек беспокоиться, лучше про наше дело вспомни. Не забыл, зачем мы здесь?

– Помню, – скрипнул зубами Марек. – Но и ты припомни, что не на дороге в лесу меня встретил. Города мне ваши не по душе – это верно, но я в них не пропаду.

– Дверь, говорю, прикрой, – голос Иржи звучал теперь сухо и холодно. – Сквозняком тянет.

Ответом ему стал свирепый взгляд исподлобья. И треск дубовой створки, захлопнувшейся за широкой Марековой спиной.

* * *

Пока сотню шагов по улице прошел, остыл, успокоился. Вслед за спокойствием явился стыд: и чего вспыхнул-то, чего вызверился на единственного своего товарища? Всегда знал, с самого детства слышал от старших: в город не ходи, в городе соблазнов много, да проку с них мало. Скверно там, и люди дурные живут, порченые. Правды не знают, старых богов не чтят, молятся Распятому. И много их за высокими стенами, да единства меж ними нет. Могут сильного скопом побить, зато за слабого без выгоды не вступятся. Чудище там или не чудище, а разве позволили бы Клыкачи безнаказанно убивать собственных детей? Разве махнули бы рукой на пропажу односельчан? Нет, нипочем бы не махнули. Вот и он, Марек, не махнет, злодейства своим врагам не простит. Пусть не со всеми, но поквитается, хотя бы с одним – с *самым главным*. Кровь за кровь...

– Дяденька, – позвал из-под правой руки тихий детский голос.

Девочка – лет десяти с виду. Худенькая, в сером залатанном платьице, простоволосая, вокруг тонких губ грязные разводы, под левым глазом красуется зеленоватый, старый уже синяк. Смотрит как затравленный зверек, и кажется – вот-вот бежать бросится.

– Чего тебе?

– Подай на хлебушек, дяденька.

За четыре года, что Марек провел вдали от родного очага, он на нищих вдосталь насмотрелся – на старых, на малых, на страшно калечных. Всяких видал, но сердцем так и не сумел очерстветь. Пока лез в кошель, пытался вспомнить сколько там осталось монет. Оказалось – целый серебряный крейцер²³ и еще на крейцер меди набралось. Протянул девчужке два геллера. Зажав в испачканном кулачке добычу, та шмыгнула в темный узкий проулок, пропала, как не было ее вовсе.

Впрочем, Марек от маленькой нищенки благодарности и не ждал – пошел себе дальше, и еще шагов двадцать успел протопать, прежде чем спохватился: кошель! Хвать рукой за пояс – нету, пусто. Назад бежать? Да был бы толк! Девчонка канула в тесном лабиринте улочек и закоулков. Небось забила уже со своей добычей в какую-нибудь щель, затаилась чутким мышонком. Марек с досадой поскреб в затылке. Что поделать-то, сам виноват. Не любишь город? Вот и он тебе тем же отвечает. И теперь Иржи несколько дней насмешничать будет: «Ты из какой чашобы вылез, Марек?! Тебя дитя средь бела дня грабит!»

Проклятый город. Порченые люди.

²³ *Крейцер* – здесь серебряная монета достоинством в 4 пфеннига (8 геллеров), имевшая хождение в Австрии и Южной Германии.

3

– У вас очень милый городок, – сказал барон. – Я говорю вам это с искренним удовольствием, господин бургомистр. Представьте себе, мы приехали лишь вчера, а я уже чувствую себя здесь как дома.

Ойген фон Ройц, пару минут назад вошедший в ратушу, сейчас и впрямь довольно свободно расположился на подоконнике: оперся спиной о стену, покачивал ногой. Глядел во двор, откуда слышался визг пил и стук молотков: плотники заканчивали возводить на Ратушной площади, аккурат между Столбом и Весами, помост, с которого в шестой час²⁴ обратится к горожанам с проповедью отец Иоахим.

«Дорогонько выходит для города это удовольствие: каждый удар молотка – геллер, – невесело подумал Ругер. – Говоришь, „как дома“, любезный барон... Вот это меня и настораживает».

– Очень приятно слышать, господин посланник. Но когда же вы успели с ним познакомиться, с нашим городком?

– Утром, господин бургомистр, ранним утром. Нет ничего лучше, чем, поднявшись с ложа, сделать пару-тройку миль бегом, а потом облиться ледяной водой. Вы согласны?

Ругер только руками развел – сам он предпочитал начинать утро с плотного завтрака, а не бегать, как лошадь. Целый вэгштунде²⁵ с утра, помилуйте! И это еще до овсянки! Впрочем, барон не ждал от него ответа.

– Я уверен, что когда-нибудь многие оценят этот простой способ держать тело в силе и чистоте. Кстати, кто рано встает, тому Бог подает, – фон Ройц подбросил на ладони тускло сверкнувшую серебряную монету. – Нашел на улице даллер²⁶, разве это не доброе предзнаменование?

– Несомненно, господин барон, – вымученно улыбнулся бургомистр.

«Только ты ведь примчался в ратушу совсем не для того, чтобы о найденном даллере поговорить, правда?»

– Видно, неплохо живут ваши горожане! В других городах, случись кому обронить полновесный серебряк, не успокоились бы, пока не сыскали. Кстати, подобные мне прежде не встречались. Это местный чекан?

– Похоже, – Ругер повертел в руках монету, сиюсь разобрать полустершуюся за давностью лет надпись. – Да, вот видите – изображение святого Варфоломея, нашего покровителя, а на обороте еще читаются «Shatt...g». Точно, наша. Но теперь они редкость: как серебряные копии захирели, так и чеканить свою монету город перестал.

Барон чуть заметно улыбнулся. На самом деле даллер он нашел вовсе не на улице: Хорст, слуга, еще накануне вечером обошел все городские кабаки и лавки менял в поисках старой монеты, что чеканилась из местного серебра.

– Пожалуй, как копии иссякли, так и город понемногу слабеть стал?

– Ваша правда. Прежде было пятнадцать тысяч жителей в городе, представляете? Тогда вот и ратушу построили, и собор, и фонтан, и стену каменную вкруг, и площадь замостили. А потом, как серебро исчезло, стало народу сотен семь, вряд ли больше. Думали даже, совсем нашему Шаттенбургу конец.

²⁴ Шестой час, или *Sexta*, – молитва в полдень.

²⁵ Вэгштунде – здесь местная (городская) мера длины, соответствующая часу ходьбы и равная 16 000 фуссов, то есть 4,8 км. Фусс – примерно 0,3 м.

²⁶ Даллер – здесь серебряная монета весом в 24 г, имеющая хождение в Шаттенбурге.

На самом деле печальные следы той эпохи были и сегодня заметны без труда: город походил на человека, оправляющегося после долгой и тяжелой хвори. Вроде и силы возвращаются, и цвет лица уже розоватый, а значит, баланс гуморов приходит в правильную пропорцию, но все же еще совсем не то, что до болезни. Так и город: на главной площади фасады домов подновили, звенят монетой покупатели в лавках, и купцы приезжают за товаром – за лесом и стеклом, сырами и кожами. Но немало домов пустует, а где-то их вовсе разобрали, разбив грядки с капустой и репой; обветшала каменная стена, и даже башни крепостные, кроме надвратных, совсем позаброшены.

– Слава Создателю, не оставил он нас, – продолжал тем временем Ругер. – И без серебра прожили, перемогли тяжкое время. А после и народу прибавилось. Ремесленники у нас славные в братстве Святого Маврикия, да и купцы в грязь лицом не ударят. Две ярмарки в год устраиваем: весной лес торгуем, осенью всякий другой товар. Лесопилки водяные построили, фабрику стекольную завели, мельницу бумажную. Монахи-бенедиктинцы даже вино делают, очень недурное. Не желаете попробовать? И сыру нашего подать можно.

– Нет, благодарю, – качнул головой барон, и бургомистр, потянувшийся было к небольшому буфетцу темного дерева, снова сел на стул. – Думаю, еще представится возможность отведать даров местной лозы.

– Конечно-конечно. Да и час ранний для винопития, в самом деле. Кстати, налоги мы тоже исправно платим, и власти имперские нами всегда довольны были.

Фон Ройц заметил, что бургомистр даже немного раскраснелся, говоря об успехах города, пусть и не слишком впечатляющих. И было понятно, что хотя бы частично эти успехи он связывает с собой. Но, когда речь зашла о налогах и отношении имперских властей, голос Ругера стал несколько заискивающим. Ясное дело: этот человек опасается. Ведь, зачем сюда приехал посланник короля, для него загадка.

Конечно, для барона все сказанное не стало открытием. В конце концов, отправляли его не «туда, не знаю куда», а в немаленький город, находившийся пусть и далековато, но не на краю света. Знал он и то, что Ругер фон Глассбах – ставленник сильного купеческого и промышленного клана, держащего в своих руках немалую часть городской торговли, равно как и упомянутые стекольную фабрику, бумажную мельницу и лесопилки.

А еще он знал, что изрядная доля товаров из Шаттенбурга отправляется в чешские земли, и даже монета в городе сегодня ходит, в основном, отчеканенная из чешского серебра.

И как знать, не пробираются ли сюда под личиной добрых купцов посланники тех кругов чешской знати, что, прикрываясь гуситской ересью, хотят отторгнуть от грузного тела империи ее восточные части? Торговые связи для темных дел – славное прикрытие, ибо деньги не пахнут, как говаривал кто-то из древних. Город заново поднялся в значительной мере на чешском серебре, так, быть может, оно идет сюда как раз затем, чтобы создать здесь сильный гуситский анклав? Как сильно и жарко горящий костер стреляет угольями, разбрасывая их далеко вокруг и рождая новые пожары, так и ересь разбрасывает свои семена по медвежьим углам, чтобы они уцелели вдали от разящего клинка императора Фридриха. Пусть Шаттенбург и впрямь исправно платит все подати в казну, это может быть лишь прикрытием, дабы до поры не привлекать к себе лишнего внимания.

– Что ж, господин бургомистр, горожане могут только радоваться тому, что здесь нашелся человек, сумевший вернуть городу его былую силу и значение, – скупой улыбнулся барон. – Разве не замечательно, что вас, Ругера фон Глассбаха, в городских хрониках будут вспоминать добрым словом? Разве не славно, что потомки будут знать вас как человека, возродившего Шаттенбург? И разве это не благая цель, ради достижения которой годны любые средства?

Бургомистр хотел было возразить, но осекся. Любые средства, ага... Некоторое время он думал над ответом, а когда заговорил, речь его звучала столь вычурно, словно за витиеватыми словами он прятал собственную настороженность:

– Спешу уверить вас, барон, что слава мирская не прельщает меня – ни ныне, ни впоследствии. Все мои силы отдаю я лишь честному служению городу и жителям его.

«Похоже, понял, к чему я веду, – подумал Ойген. – Вон какой взгляд стал ледяной... Точно, понял».

– И замечательно, – кивнул он. – В конце концов, именно в этом и состоит ваш долг, не так ли? Что ж, спасибо за добрую беседу, господин бургомистр. Я же, с вашего позволения, откланяюсь – есть немало спешных дел.

– Не смею задерживать, господин барон. Однако не забудьте, что сегодня вечером в честь вашего приезда штадтрат²⁷ решил устроить торжественный ужин – будут ратманы, главы гильдий, крупное купечество, священники.

– Благодарю за напоминание. Думаю, я даже прибуду в ратушу одним из первых.

И фон Ройц удалился.

²⁷ *Штадтрат* – городской совет. В Шаттенбурге штадтрат состоит из бургомистра и четырех ратманов. Ратманы, по традиции, представляют гильдию Олава (купцы), братство Маврикия (ремесленники благородных профессий), есть также представитель свободных профессий и представитель сельской округи.

4

Тонкий солнечный луч прошел сквозь мозаичный ало-золотой витраж и словно пламенеющим ангельским мечом коснулся потрепанного тома breviария²⁸, лежащего на узком и длинном мраморном столике.

«Что ж, пора», – сказал сам себе отец Иоахим.

– Кристиан, помоги.

Поверх сутаны²⁹ на шею и плечи лег амикт³⁰.

– *Возложи, о Господь, шлем спасения на голову мою, дабы мог я противостоять нападениям диавола.*

Теперь альба³¹.

– *Обели меня, о Господь, и очисти сердце мое; дабы, обеленный в Крови Агнца, мог я заслужить награду вечную.*

Иоахим препоясался вервием.

– *Препояши меня, о Господь, вервием чистоты и погаси в сердце моем пламя вожделения, дабы добродетели воздержания и целомудрия пребывали во мне.*

С каждой деталью облачения он чувствовал себя все увереннее, словно оно придавало сил, делало его выше, лучше и чище.

– Подай манипул³², Кристиан.

Облачаясь – манипул, стола³³, казула³⁴, – Иоахим негромко продолжал читать молитву:

– *О Господь, рекший «Иго Мое сладко и бремя Мое легко», даруй мне нести их так, дабы заслужить милость Твою.*

По телу священника пробежала дрожь волнения, из глаз едва не брызнули слезы. Наверное, так же чувствовал себя рыцарь воинства крестоносного, которого оруженосцы облачали для боя с язычниками под стенами Иерусалима, готовя к схватке за обретение Гроба Господня. И пусть вместо кольчуги у него альба, вместо латных рукавиц – манипул, а вместо боевого плаща – казула, но битва ему предстоит не менее тяжкая, ведь сегодня должно укрепить веру в целом городе. Может, местные священники и служат достойно, но Иоахиму предстоит превзойти их, ибо иначе его приезд сюда потеряет смысл. Он должен не просто коснуться сотен сердец, но и призвать их вернуться под длань святой инквизиции, слуги которой уже два столетия как оставили эти земли. Если он не оправдает доверия кардиналов...

– Вы готовы, святой отец? – спросил его Мартин Локк, настоятель собора Святого Варфоломея. Рядом замерли настоятель храма Святого Олава Йорг Байрен, Клаус Сток, настоятель церкви Святого Маврикия, и священник часовни Девы Марии Андрес Одд, тоже в

²⁸ *Бревиарий* (от лат. *brevis* – короткий) – сборник всех необходимых для католического богослужения текстов (содержит псалмы, отрывки из Священного Писания отцов церкви, жития святых, гимны и т. д.).

²⁹ *Сутана* – верхняя длинная одежда, повседневное (внеслужбное) облачение католического священника.

³⁰ *Амикт* (лат. *amicire* – покрывать) – деталь литургического облачения католического священника в виде прямоугольника из белой льняной ткани с вышитым крестом в центре и двумя завязками на верхних углах. Амикт покрывает шею и ворот клирика. Обязательно освящается.

³¹ *Альба* (лат. *alba* – белая) – длинное белое литургическое одеяние католических и лютеранских священников, препоясанное веревкой. Ношение альбы обязательно для клирика, совершающего литургию.

³² *Манипул* (лат. *manipulus* – пучок сена) – деталь литургического облачения католического священника, полоса ткани около метра в длину и 5-10 см в ширину с вышитым по центру крестом. Подвязывается на левую руку во время мессы.

³³ *Стол* – длинная шелковая лента с нашитыми на концах и в середине крестами. Носится поверх альбы, под далматикой или казулой. Цвет варьируется в зависимости от времени церковного года. Священник перекрещивает концы столы на груди.

³⁴ *Казула* (лат. *casula* – плащ), *орнат*, – главное литургическое облачение епископа и священника.

литургических одеяниях. С ними Иоахим поднимется на помост, но стоять будет выше, чтобы жители Шаттенбурга видели, кто обращается к ним от имени *Sancta Sedes*³⁵.

Проникая сквозь толстые стены собора, слышался гул голосов – похоже, площадь перед ратушей целиком заполнилась народом. Конечно, стоило бы отслужить литургию под святыми сводами, но какой из храмов вместит сотни людей?

– Я готов, братия мои. Шестой час близок, паства ждет пастыря, – склонил голову отец Иоахим, и настоятели вереницей покинули сакристию³⁶.

Распахнулись двери собора – высокие, дубовые, украшенные грубоватой, но красивой в своей простоте резьбой, изображающей сцены из жизни святого Варфоломея: на левой створке святой собирается в паломничество, на правой исцеляет страждущих. Гул толпы на площади мгновенно смолк.

До слуха инквизитора доносились только те звуки, что обычно сопровождают пребывание в одном месте большого числа людей – стук подошв по булыжнику, шорох одежд, покашливание – но многие сотни горожан, сгрудившиеся на площади, молчали.

Они ждали. Взгляды тех, кто стоял в первых рядах, вперились в вышедших из собора священников. И конечно, сосредоточились они, прежде всего, на отце Иоахиме. Разглядывали, изучали. В задних рядах люди подпрыгивали, чтобы хоть одним глазком увидеть приежжего доминиканца, поднимали над головами детей, тянулись на цыпочках.

Сколько лиц, сколько лиц! Мужских и женских, детских и стариковских, загорелых, рябых, веснушчатых; непроницаемых и таких, по которым можно читать, словно в раскрытой книге. И все смотрят на него – одни открыто и спокойно, другие восторженно, а кто-то и с подозрением, и последних немало. Но он должен достучаться до каждого. Сейчас отец Иоахим и сам верил, что явился в город, дабы спасти горожан от адского исчадия, дабы защищать и помогать, потому что знал: если не будет в это верить он, то не поверят и люди. Он выдержал чужие взгляды, сложив на животе руки и мягко улыбаясь. Само его служение нечасто давало поводы для улыбок, но инквизитор справился.

Впереди, над волнующимся человеческим морем, высился сколоченный из брусьев помост. Все так же сохраняя на лице доброжелательную улыбку, священник двинулся к нему. От дверей собора до помоста лишь шесть десятков коротких шагов, но Иоахим шел медленно – осенял собравшихся людей крестным знаменем, касался тянувшихся со всех сторон рук: широких мосластых ладоней ремесленников и пришедших на проповедь пахарей из близких деревень; мозолистых, с вьевшейся угольной пылью, в синеватых пятнах от ожогов пальцев кузнецов; пухлых и чистых дланей купцов. Следом за ним шли священники, приотстав еще на шаг, ступал Кристиан. Замыкал процессию Микаэль – даже сейчас телохранитель старался держаться рядом.

– Святой отец, благословите! – Молодая женщина протянула ребенка вряд ли старше полугода.

Щекастый голубоглазый малыш беззубо улыбнулся, засучил ножками и потянулся вперед, явно желая вцепиться в короткую бороду инквизитора.

Отец Иоахим шагнул навстречу дитю – но толпа волновалась, бурлила, и его правая рука нечаянно коснулась плеча женщины, стоявшей рядом с молодой матерью. Та вдруг рухнула как подкошенная, и люди отшатнулись в стороны. Чепец слетел с головы, темные, тронутые ранней сединой волосы растрепались. Глаза закатились, в уголках рта вскипела слюна, и даже сквозь возгласы горожан было слышно, как хрустят зубы в сжимаемых

³⁵ *Sancta Sedes* – Святой престол, собирательное название папы римского и римской курии (лат.).

³⁶ *Сакристия* (лат. *sacristia*, от *sacrum* – священная утварь) – помещение, которое располагается сбоку или впереди алтаря, где хранятся принадлежности культа, совершается облачение священнослужителей и некоторые другие обряды. В православных храмах это помещение называется ризницей.

сверх установленного природой предела челюстях. Ребенок, только что радостно гуливший, залился плачем, и где-то в толпе откликнулись другие дети.

– Ведьма! – выдохнул отец Иоахим. – Ведьма!

– Ведьма! – взвыла толпа.

* * *

У Кристиана захолонуло сердце. Он только слышал о *caduca*³⁷ – одном из верных признаков ведьмовства и одержимости бесами, видеть же прежде не доводилось. Неужели и впрямь здесь, перед ним, настоящая ведьма?! Одна из тех, кто творит maleficium и veneficium³⁸, портит скотину и ворует детей, посылает мужчинам стыдную болезнь и летает на шабаши? Святые угодники! Показалось, будто от бьющейся женщины потянуло холодом. Люди отступали шаг за шагом, стремясь оказаться подальше.

– Кристиан! – От крика отца Иоахима послушник встрепенулся. – Помоги Микаэлю связать ее!

– Держи за плечи, – пробормотал телохранитель, ухвативший женщину за лодыжки. – Припадок кончится, и свяжем, а сейчас толку нет – видишь как бьется.

Кристиан только кивнул, стараясь не глядеть на зловонную лужицу, растекающуюся из-под ведьмы по булыжной мостовой. Наконец, судороги стали ослабевать, Микаэль накинул на припадочную веревку и ловко связал ее, словно рождественского гуся. Та лишь прерывисто дышала, но в сознание еще не пришла – может быть, заснула, а может быть, ее фантастикум³⁹ сейчас мчится в леса или скользит по городу невидимой тенью. Дюжий воин вскинул связанную на плечо:

– Куда?

– У нас в подвале... то есть не у нас, а в подвале ратуши есть камеры для нарушителей, – быстро проговорил настоятель. – Наверное, пока стоило бы ее туда... определить.

– Решетки там крепкие? – не спуская взгляда с пленницы, спросил отец Иоахим.

– Быка удержат, – коротко ответил Локк.

Кто-то из горожан уже засыпал лужицу на мостовой свежими опилками.

– Тогда ведьму в застенки, и пусть навесят замок покрепче.

– Исполним, – кивнул Локк. – А потом уж решим, что дальше делать...

– Что тут решать, – процедил отец Иоахим. – Устроим процесс!

Ноздри его хищно раздувались, и сейчас он ничем не напоминал того благообразного священника, что совсем недавно смиренно улыбался пастве. Но, хотя на лице святого отца лежала печать праведной ярости, Иоахим чувствовал, как его заполняет пьянящий восторг. Ведьма! Здесь, в городе, двести лет назад оставленном инквизиторами! Сколь ни велико было его отвращение (а именно такое чувство должно охватывать каждого ревностного католика при виде служительницы темных сил), но сейчас он радовался, как ребенок: какой прекрасный повод для проповеди ниспослан ему Небесами! Много часов он гадал, как обратиться к пастве, но истинно сказано: положишься на Отца Небесного, и Он тебя не оставит.

Иоахим возвел очи горе – крест на соборе сиял золотом, окруженный ослепительным ореолом. Наверное, это виделось лишь ему одному, ибо никто из горожан не смотрел на шпиль храма, но сейчас инквизитору было достаточно и этого. Еще одно доброе предзнаменование! Воистину, горние силы на их стороне! Минутой позже инквизитор уже был на

³⁷ *Caduca* – падучая, одно из названий эпилепсии (лат.).

³⁸ *Maleficium* (лат. *maleficium*) – злодеяние; *veneficium* (лат. *veneficium*) – ядовредительство, т. е. отравление.

³⁹ *Фантастикум* – некая сущность, способная, по мнению теолога Августина Блаженного (354–430 гг.), отделяться от человека во время сна и уноситься в пространство. Августин отождествлял фантастикум с душой.

помосте и простер руки к волнующемуся коричнево-зелено-серому людскому морю. Чуть наособицу от простолудинов в одеждах из домотканого крапивного, льняного и конопляного полотна стояли плотными группками люди в платье хорошего сукна и парчи – ратманы с женами, цеховые старшины, купцы с отпрысками... Сейчас инквизитор не видел между ними различий. Пусть одни одеты в холстину, а другие носят парчу, пусть пальцы одних унижены перстнями, а руки других украшают лишь мозоли – все они должны быть спасены!

– Возлюбленные братья и сестры мои во Христе! Воистину в тяжкий час воля Создателя привела меня в ваш город! Порождение мрака пожрало детей, и малефики⁴⁰ ткнут темную сеть вокруг чистых душою! Вы видели, как от одного касания руки моей, волею нашего Отца Небесного ведомой, в корчах упала ведьма, таившаяся среди вас! И возможно, она здесь не одна!

По толпе пробежал ропот – некоторые даже заозирались, с подозрением поглядывая на соседей, с которыми стояли плечом к плечу. А голос отца Иоахима – зычный, исполненный силы – разносился над площадью:

– Истинно говорю вам: пришел час полночный и сгущается мрак! И каждая чистая душа – словно огонек свечи в бесконечной тьме! На кого уповать теперь, на кого надеяться, к кому протянуть руку, ожидая помощи?! Кто избавит честных от ужаса, кто оградит праведных неуязвимым щитом, кто проведет огненную черту между нами и мраком?! К кому обращаем мы свой взор, к кому возносим мольбы, к чьим стопам припадаем?!

И мгновением раньше, чем из толпы прозвучал первый ответ, отец Иоахим воздел руки к голубым небесам:

– К Нему! На Него надеемся, на Него уповаем! Так попросим же, чтобы укрепил Он наши сердца, чтобы простер над городом сим длань Свою, защитив нас от скверны!

– Слава Спасителю! – вскрикнул кто-то в толпе, и от одной стороны площади к другой прокатилось восторженное: «Слава! Слава!»

– Дозвольте мне стать орудием в руках его, дозвольте огнем выжечь скверну – и в души праведные придет покой! Верите ли вы мне, братья и сестры?!

– Верим... – прокатилось по площади – сначала нестройно, а потом все больше набирая силу: – Верим! Мы верим!

– Но слуги диаволовы по-прежнему среди нас, – проревел отец Иоахим, – и творят они зло каждодневно! И силу их умножают те, кто творит грех, пусть даже самый малый! Покайтесь же, братья и сестры, и спасены будете – ибо сказал Спаситель, что на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии!

– Покайтесь! – волной прокатилось по площади. – Покайтесь, братья!

– Истинно говорю вам: покайтесь и спасение обретете! Вознесем же хвалу нашему Отцу Небесному и соберем все силы наши для противостояния злу! Аминь! – выдохнул отец Иоахим, простирая руки к толпе.

И толпа громохнула в один голос:

– Аминь!

В лучах полуденного солнца ослепительно сиял вознесенный над собором крест.

⁴⁰ Малефик – здесь колдун.

5

Очиненное перо с тонким скрипом скользило по листу плотной бумаги, оставляя цепочку каллиграфически совершенных букв: послушник Кристиан заканчивал ежедневный отчет, который писал по указанию отца Иоахима.

Неудобно писать, примостившись за узеньким, едва ли в локоть шириной, столиком, но строчки ложились ровно, словно проведенные по линейке, заглавные буквы украшены виньетками, над словами аккуратные значки – символы выносных гласных. За такую каллиграфию послушник может рассчитывать на поощрение у самого взыскательного наставника, что, конечно же, не может не радовать. Вот только писать приходится далеко не о радостных событиях.

Кристиан поежился. Случившееся на площади не шло у него из головы. Нет, ну надо же – ведьма! Конечно, он знал, что в Шаттенбурге можно ожидать всякого: ведь местные жители воззвали к помощи церкви не просто так. Но одно дело знать, что где-то творится maleficium, а совсем другое – самому придерживать плечи бьющейся в судорогах прислужницы темных сил. Едва вернувшись в трактир, юноша попросил нагретой воды и щелока и долго отмывал руки, а потом читал из Псалтыри. Он даже хотел обратиться к отцу Иоахиму, чтобы тот укрепил его дух и дал добрый совет, но инквизитор сейчас на званом ужине. Пригласили туда, конечно же, не всех – только отца Иоахима и барона фон Ройца. Микаэль и этот, как его... Николас – тоже там, а остальные – тут, в трактире. Вон из-за стены – то хохот, то ругань: господа дружинники в кости дуются. Все там сейчас, даже баронский оруженосец Карл и рыцарь Гейнц, с которыми (а еще с Микаэлем) послушник делит тесную, как пенал для перьев, комнатушку.

Все, Кристиан, соберись! Надо отчет побыстрее закончить, а то скоро уж, наверное, отец Иоахим вернется. При мысли о званом ужине в желудке начало бурчать – трапеза у юноши была скудной: немного овсянки да краюшка ячменного хлеба. Просто кусок не лез в горло... Однако ж странно: кусок не лезет, а в брюхе бурчит.

Главное, кляксу не посадить – бумага же, не пергамент, чернил пролитых не соскребешь. Переписывай потом весь лист. Но о том ли он думает?! На площади, прямо перед проповедью, ведьма объявилась; в лесах близ города какое-то чудовище напало на детей, а у него все мысли про кляксу!

Бррр! Не то чтобы холодно – но как-то знобко. И вовсе не от того, что из окна поддувает. Страшно тебе, Кристиан? Ну еще бы не страшно. Это только дети малые, несмышленные любят воображать себя сражающимися с нечистью. А как нос к носу столкнешься...

Огонек светильника горит ровно, чуть слышно потрескивая. Нет, положительно бургомистр местный – человек предупредительный и разумный, и с гостями оказался чрезвычайно обходителен: по его распоряжению во все комнаты, где приезжие разместились, не сальные свечи какие-нибудь залежалые поставили, а светильники с чистым маслом. Они и светят ярче, и запах у масла приятный. Правда, и тени от яркого света получаются резкими, выпуклыми... страшными. Шевельнешься – мечутся по стенам, словно живые.

Кристиан вздохнул. Сидит тут один, как дурак. Может, к остальным пойти, как отчет допишет? Не играть, конечно, а просто так: хоть рядом с людьми...

«Записано послушником Кристианом Дрейером в городе Шаттенбурге, в год от Рождества Господа нашего Иисуса Христа одна тысяча четыреста..., месяца..., дня...».

Скрипнула, провернувшись на массивных кованых петлях, дверь: открылась, закрылась. Вошел Микаэль: стащил перевязь с мечом, поставил клинок близ своего топчана, положил рядом небольшой мешок из плотной ткани, сбросил тяжелую, но не стесняющую движений куртку, в некоторых местах усиленную кольчужными вставками, и опустил на

набитый соломой матрас. И все это – словно бы одним длинным, без резких переходов, движением. Да еще успел заглянуть через плечо Кристиану в его отчет.

– Хорошо у тебя письмо выходит. Чисто, гладко. Только в седьмой строке выносную «а» смазал. А так – здорово.

Святые угодники! Телохранитель, смыслящий в каллиграфии?! Да где такое видано?! А значок-то и в самом деле смазан. Ну и глаз у него!

– Ну ты не обижайся. Сам-то я только читаю, а письмо у меня – как курица лапой.

Микаэль этот был какой-то... непроницаемый. Кристиан увидел его впервые почти две недели назад, когда их отправили в Шаттенбург, и с тех пор нюрнбергский мечник вряд ли сказал ему больше полусотни слов. Даже с баронским оруженосцем Кристиан говорил чаще, хотя тот все больше интересовался, неужели послушники совсем не пьют и никогда-никогда «это самое»? Микаэль же в основном помалкивал. А теперь – вон чего: говорит!

Телохранитель вдруг улыбнулся. Чуть заметно, но все-таки.

– Думал, ты на площади испугаешься. Ан ничего, не струхнул. Хорошо ту ведьму при-
давил.

Юноша только плечами пожал. Похвала воина неожиданно оказалась ему приятна: наверное, потому, что сам он о степени своей отваги был совершенно иного мнения. Но раз Микаэль здесь...

– Святой отец уже вернулся?

– Нет пока. Прислал к тебе с поручением.

– С поручением? – Лицо Кристиана вытянулось.

– Ну да. Надо бумагу написать, что инквизиция объявляет время покаяния. Что у желающих покаяться есть три дня, а кто с повинной не явится, пусть потом на себя пеняет.

– Тут же... – Он вспомнил описание округа Финстер, которое изучил во время поездки. – Тут же восемь деревень в округе. На всю ночь работы.

– Ты одну бумагу сделай: Девенпорт зачитает и поедет дальше. На каждую деревню писать – чернил не напасешься.

– А почему Девенпорт?

– Так святой отец с бароном договорились. Каждый честный католик должен в меру сил помогать церкви. Ты давай пиши быстрее, я мешать не буду.

И Микаэль, не меняя позы, прикрыл глаза.

* * *

Разбудил нюрнбержца щелчок пенала.

– Что, закончил?

– Да, – кивнул послушник.

– Хорошо.

Потянувшись, Микаэль поднял с пола мешок. Распустив завязки, достал два свертка.

– Держи, – он протянул Кристиану один из них. – Держи, говорю.

Сверток оказался довольно тяжелым, пах железом и маслом. Развернув ткань, юноша увидел изрядных размеров кинжал в неброских деревянных, обтянутых кожей ножнах. Неуверенно взявшись за рукоять, он вытянул тускло блестящий клинок – широкий, сужающийся к острию.

– Это тебе, – сказал Микаэль, словно отвечая на невысказанный вопрос. – Не ждал, что стоящий клинок найдется, но кузнецы здесь умелые есть. Город этот вовсе не такой тихий, как кажется, так что железо не помешает.

– Да, наверное... – согласился Кристиан. От сказанного бывалым воином по спине у него побежали мурашки, и пальцы невольно сжались на рукоятке. – Вот только я...

– Не умеешь с оружием управляться, – нюрнбержец кивнул. – Не беда, дело поправимое.

Он принял из пальцев послушника собственный подарок, и юноша в тот же миг понял, как должен держать оружие настоящий боец. Клинок блестящей рыбкой резвился в руках Микаэля: и тот не пытался впечатлить молодого писаря – всего лишь знакомился с кинжалом, попутно давая представление о его возможностях.

– Это гольбейн, такие швейцарцы любят. Не слишком изящен, но надежен. Видишь – клинок у основания широкий, а к острию на нет сходит? Удобно: даже толстую куртку проткнет. А на обратном ходе можно зубы проредить.

Воин показал, что рукоять сильно расширяется: когда гольбейн держишь в руке, из сжатого кулака выдается массивное оголовье черена.

В следующее мгновение кинжал вернулся в руки Кристиану – и словно потускнел, как тускнеет чешуя рыбы, вытащенной из реки. Послушник сглотнул: ему уже не терпелось научиться владеть клинком хотя бы вполовину так же ловко.

– Будет время – поупражняемся? – произнес Микаэль и, не дожидаясь ответа, развернул второй сверток. – Ужинал?

Желудок Кристиана предательски забурчал.

– Понятно. Я и сам куса не перехватил, хотя столы там ломаются. Ничего, попросил поваренка, он вынес кое-что.

Поваренок попался нежадный: в свертке обнаружили приличных размеров ломоть оленины, исполинская гусиная нога, несколько крупных, в каплях жира, звеньешек рыбы и два больших, с кулак – с кулак Микаэля, не Кристиана, – куса сыра. Да еще из мешка телохранитель выгреб с дюжину печений с орехами и пять яблок.

– Налетай.

Юноша взял рыбу и кусок сыра, нюрнбержец вгрызся в гусиную ногу.

– А что там на ужине?

– Да скучища, – с набитым ртом ответил воин. – Всем не по себе, улыбаются через силу. Музыканты по струнам не попадают, дудят невпопад. Жены ратманов за мужей цепляются, словно без них упадут. Была там, правда, фрау одна...

Микаэль цыкнул зубом.

– Красивая? – рискнул спросить Кристиан.

– Мм? Ну да, красивая, но не в том дело. Говорят, живет одна в имении за городом: ни мужа, ни детей, вовсе родни никакой. Хозяйство у нее чудное: вроде и обустроено, и земли немалые, а хлеба не растит, скота – с гулькинос, пива не варит, сыра не делает, кож не готовит. Немного меда купцам продает, да и то не каждый год. И все. С каких денег-то живет? Может, наследство? Странное дело.

Кристиан не нашелся что сказать, поэтому промолчал. Да и рыба оказалась на удивление вкусной. Проглотив последний кусок, Микаэль потянулся и вкусно зевнул. Юноша тоже не сдержался: зевок чуть не разорвал ему рот.

– Э-э, да ты, брат, носом клюешь... Давай-ка иди спать, – хлопнул его по плечу нюрнбержец. – Время позднее, а день небось будет не из легких.

– Но ведь надо, чтобы отец Иоахим на бумагу печать поставил. И Девенпорту потом передать, – неуверенно сопротивлялся послушник.

– Сам передам. Утро вечера мудренее.

6

Дождь, зарядивший вечером, к ночи наконец-то пошел на убыль, а затем и вовсе прекратился, но промозглая сырость, казалось, пропитала сам воздух. Похолодало... Похолодало? Да это все одно, что про солнце сказать: «Яркий фонарь у этого трактира!»

Густав Фейрах, кожевник в четвертом поколении, выдохнул облачко пара, сплюнул на обочину и знобко повел плечами. И что за оказия понесла его на ночь глядя в дорогу? Переночевал бы у Хейнрика, не оскудела бы кошелек из-за пары грошей, зато ехал бы поутру со спокойной душой. Но уж шибко не понравилась ему компания, пировавшая в почти пустой трапезной трактира. И вроде не буйствовал никто, не горланил пьяных песен, за ножи не хватался. Но стоило только один взгляд бросить – и ноги сами понесли за порог, в вечернюю сырость. Уж лучше протрястись полночи да после отогреться у домашнего камелька, чем ночевать рядом с эдакими ухорезами! И что за демоны принесли их в тихую харчевню, прости господи!

Снова сплюнув, Густав плотнее закутался в потертый, выдавший виды дорожный плащ, подбитый волчьим мехом. Досада жадно глодала его изнутри, как мышь, пробравшаяся в сердцевину сырной головы. Досаду хотелось утолить.

Обернувшись, он бросил смурной взгляд на мирно дремлющего Франка. Вот уж кому ни сырость, ни холод не помеха. Хоть сутки напролет готов дрыхнуть, орясина! И что, спрашивается, толку от верзилы, окромя поистине медвежьих лапищ? Да, кожи мять парень горазд, и в шуточном единоборстве на ярмарке заломать супротивника – тут ему тоже равных нет. А в остальном – дубина дубиной. Против ловкого ножа под ребра медвежья силушка – не спасение. Хорошо, что его, Густава Фейраха, здравомыслие еще не покинуло и он увез Франка от греха подальше. Парень души простой, чуть что, сразу в драку лезет. А с той ватагой у Хейнрика уж верно дело бы без крови не обошлось, прости господи!

Чувствовать себя благодетелем и здравомыслящим мужем было куда приятнее, чем мокрым индюком, сбежавшим от одного лишь намека на неприятности. Густав слегка расслабился, оживился и начал оглядываться по сторонам.

Быстро смеркалось. Лес уже утратил свою глубину и краски, сосны перестали напоминать храмовую колоннаду, светлый бор превратился в темные стены, обступившие дорогу, сжавшие ее с двух сторон. Настроение, едва приподнявшись, вновь безнадежно рухнуло. И угораздило же выдаться такому вечерочку. А уж про подступающую ночь и думать не хотелось. Эх, голова дурная! Мог ведь еще задержаться у кузена, да поспешил с товаром домой. А теперь вот трясись – то ли от холода, то ли от липкого, пробирающего до костей страха...

Густав поймал себя на том, что разглядывает смутно различимую в темноте дорогу, не решаясь отвести взгляд от разбитой, раскисшей после дождя колеи. Влево посмотреть? Вправо? Какое там! Страшно, как ребенку, забившемуся под одеяло. Жутко.

Да что же это с ним, в самом деле?! Ведь и прежде приходилось ночь в дороге коротать, но никогда, никогда еще так не трусил! Даже в местах, полных разбойников, – ну там, ясное дело, боялся, но чтобы *так*... Что же это, силы небесные, творится сегодня с тобой, Густав? – Фрр... – прошептал кожевник срывающимся голосом. – Фра-анк!

И вот тут, при звуке собственного голоса, он внезапно понял, *что* его пугало с того момента, как стена деревьев скрыла деревеньку, и угас вдали прощальный собачий лай. Понял и чуть не поперхнулся проклятием.

Тишина... Угрюмая, гнетущая, она разливалась вокруг, обволакивала, пеленала, как паук – муху, в тугой паутинный кокон. Хоть бы пичуга какая ночная голос подала, хоть бы даже зловестник-филин ухнул – всяко лучше, чем такая тишина. Мертвая. Жуткая. Только

и слышно, что размеренный топот копыт да поскрипывание деревянных осей воза. Мало не раскатами громовыми – на мили вокруг небось слышно...

Руки сами собой натянули вожжи. Лошадь встала, храпя, попятилась. В ее храпе Густав почувствовал страх. Впереди в низине поднимался туман – бледный, густой и тяжелый. А на границе этого расплзающегося на глазах туманного облака, прямо посреди дороги... Рубашка прилипла к мгновенно взмокшему телу. Ох, Густав Фейрах, приехал ты...

– Отче наш, Господь всемогущий! Да святится имя Твое! Да придет Царствие Твое!.. Фр-р-р...ра-анк!

За спиной послышалось глухое ворчание. Воз ощутимо тряхнуло, когда Франк спрыгнул на дорогу. Парень, каким бы он ни был увальнем, видать, тоже ощутил эту жуткую иррациональную угрозу, исходящую от неподвижной черной фигуры, преградившей путь повозке. Но, в отличие от хозяина, страх его не обессилил, а подтолкнул к действию. Подобравшись по-борцовски и перехватив поудобнее прихваченный с воза дрын, кожейяка направился к противнику. А тот мягко и бесшумно потек навстречу – щуплый, угловатый, но удивительно уверенный в движениях.

– Ух! – При всей своей кажущейся неуклюжести, Франк взмахнул дрыном легко и быстро. Ударил наверняка, и Густаву даже показалось – попал! Но остановить не смог. Черная фигура слилась на миг с телом кожейяки, и кожевник услышал звук – будто зашипела брошенная в воду горячая кочерга.

Потом жуткий незнакомец двинулся дальше, оставив позади оседающее тело здоровяка. Ужас придал Густаву сил. Спрыгнув с воза, он опрометью бросился обратно по дороге.

– Господь наш! Господь милостивый! Господь!..

– Он не с-слышит, – черная фигура оказалась прямо перед ним. Неестественно длинная рука протянулась вперед, каменно-твердые пальцы вцепились кожевнику в горло. Торжествующий шепот странным и страшным образом походил на голос Франка. Вот только бедняга Франк никогда *так* не шептал:

– Он с-спит. И ему с-снишься ты... Густав.

Фейрах страшно захрипел. «Конец!» – вспыхнула в голове паническая мысль. К несчастью для него, это было лишь началом...

* * *

Густав Фейрах с интересом разглядывал то, что осталось... от Густава Фейраха. Ужас человечка и его боль все еще плескались внутри, кипели и вызвали восхитительное пьянящее чувство *насыщения*. Жаль, не было времени повозиться с первым путником, зато второй рассчитался за обоих сполна. Он отдал себя – всего, без остатка. Чувства, эмоции, память и даже облик – все это сменило владельца: так имущество ограбленного безраздельно переходит к вору. И вот новый хозяин уже разглядывает случайную добычу, оценивает, примеряет на себя.

Это было интересно – *изменяться*, становиться кем-то другим. И еще – открывать самого себя, собственные возможности: «Надо же, я ведь могу *так*! А как еще могу? Ну-ка...»

Сила наполняла изменчивое тело. Отнятая у другого, она так легко стала своей... И эти чувства! Этот восхитительный вкусный страх, одобренный тонким ароматом надежды на спасение!

Тот, кто выглядел теперь как Густав Фейрах, улыбнулся. Он не вполне понимал, зачем нужно изгибать губы подобным образом, но, кажется, такое мышечное сокращение подходило его нынешним эмоциям, заключенным в человеческое обличье... временно заключен-

ным. Скоро личность кожевника полностью распадется, переварится, превратится в чистую энергию и шелуху чужих воспоминаний. Скоро вернется голод.

Лже-Густав взобрался на воз и взялся за вожжи. Пользуясь своим новым обликом, он без труда сможет найти себе новую пищу и новое удовольствие. А потом... Наверное, он сможет найти себе и новую Цель. Пока же ему требуется лишь заставить двигаться вперед эту нелепую конструкцию на колесах. Кажется, люди используют вожжи. Примитивные создания с примитивной фантазией! Он негромко фыркнул, отдавая мысленный приказ. Лошадь болезненно вздрогнула, вздохнула совсем по-человечески и потянула воз в расползающийся по тракту туман.

День третий

1

– Уверяю, это самые лучшие чернила в городе! Сердцем клянусь! – Пухлый приказчик прижал к груди руки, словно и в самом деле готов был вырвать сердце в доказательство своих слов. – Поверьте, нигде в Шаттенбурге нет чернил лучше! Да что в Шаттенбурге, мы в Цвикау и Дрезден каждый год продаем по два бочонка! И не абы кому, а все людям достойным, знатным, понимающим в чернилах. Вот, смотрите!

Приказчик взял перо, макнул в чернильницу и провел по листу рыхловатой бумаги линию, рядом еще одну.

– Видите? Какой густой черный цвет! То что надо! Но и это еще не все – поднесите лист к свету. Ну поднесите же! Видите? Нет, вы видите? Видите этот роскошный золотой отлив? Разве он не замечателен, клянусь сердцем?

Он снова прижал руки к груди, и Кристиан поспешно поднес лист к падающему из окна лучу света. И впрямь угольно-черные линии отблескивали желтым, словно в чернила добавили золотую пыль. Конечно, никакой пыли там нет, да и быть не может: просто мастер нашел некий особенный вид чернильных орешков, добавляет какие-то соли либо придумал новый способ обработки сырья. Результат его усилий и в самом деле впечатлял.

– Это вам не какая-то бурда из дубильного корья, что расплывается на бумаге, ляпает кляксы, а потом еще и выцветает за неделю! Нет, это настоящие чернила, за которые не жалко отдать даллер!

Сколько?! Несмотря на заверения приказчика, даллер Кристиану было жалко, поэтому он положил листок и запретил себе даже смотреть на него. Теперь-то понятно, почему лавка выглядит процветающей – с такими-то ценами!

– Что ж, у нас есть и кое-что попроще, – кивнул приказчик, поняв причину замешательства юноши. – Но поверьте, проще – не значит хуже, клянусь сердцем!

Видать, сердце у него и впрямь было большое, раз он клялся им по любому поводу, а то и вовсе без оного.

– Вот, глядите, эти ничуть не хуже! И всего полдаллера! И эти тоже за полдаллера – не правда ли, отменный цвет? Злопыхатели даже говорят, что у нас, мол, есть секретный ингредиент...

– Что ж за ингредиент? – рассеянно спросил Кристиан, не сводя глаз с листа бумаги, перечеркнутого линиями разных чернил.

– Адская сажа, представьте себе! – расхохотался торговец. Эту шутку он явно не раз повторял и, быть может, даже сам ее придумал, но сейчас осекся, внезапно поняв, что шутить на такую тему со спутником инквизитора вряд ли умно. – Э-э... Ну конечно же, никакого секретного ингредиента нет. Тем более... такого.

Кристиан смотрел на него, склонив голову набок.

– Мм... Так на чем я остановился? – Приказчик вытер рукавом мгновенно вспотевший лоб.

– Вы предложили мне купить эти замечательные чернила с золотым отливом всего за четверть даллера.

– В самом деле? – Торговец вновь вытер лоб. – Жарко, не правда ли? Вроде бы осень, клянусь сердцем, а жара-то какая... Значит, за четверть даллера? Что ж, так тому и быть!

Несколько минут спустя Кристиан вышел из лавки, прижимая к груди тяжелую бронзовую чернильницу, вместившую целых две унции отменных чернил... и тут же врезался в одного из прохожих.

– Ох, простите! – воскликнул юноша. – Я вас не зашиб?

Он протянул руку, помогая упавшему подняться.

– Ничего страшного, молодой человек. Нужно нечто большее, чтобы выбить из меня дух, – упавший, а им оказался преклонных лет мужчина в сутане, приветливо улыбнулся, но было видно, что он здорово ушибся.

Худой и жилистый, изборожденное морщинами лицо, короткая и неровно подстриженная седая борода, пегие волосы, узловатые пальцы – совершенно обычный старик, каких в городе десятки, наверное, но вот сутана...

– Еще раз простите, святой отец, – кивнул Кристиан. – Я спешил.

– Свойство молодости, – снова чуть улыбнулся незнакомец. – Впрочем, не только ее. Я тоже спешу. Прощайте, молодой человек.

Священник повернулся и зашагал по улице, заметно припадая на левую ногу. Вот бы узнать, он всегда хромал или это последствие столкновения? Святые угодники, ну почему ты такой неуклюжий, Кристиан! Вот тебе раз, а это что такое?

На булыжной мостовой лежало несколько медяков: пфенниги да геллеры. Юноша коснулся своего кошелька – на месте. Значит, выронил старик! Он подобрал монетки и побежал следом.

– Вы... вы уронили!

Незнакомец обернулся, посмотрел сначала в глаза Кристиану, потом на его ладонь.

– Спасибо, молодой человек. Вы даже не представляете, как помогли мне, – он взял протянутые ему медные монетки. – А и я тоже хорош! То-то было бы обидно...

– Скажите, вы... – юноша чувствовал себя неловко, – вы нуждаетесь?

– Я? – Старик осмотрел свою сутану, залатанную, но все же довольно приличную, и поистершиеся веревочные сандалии. – Отнюдь, церковь дает мне достаточно. Но есть те, кому эти деньги нужны. Точнее, не сами деньги, а то, что можно на них приобрести.

– Я могу вам помочь, святой отец? – Отчего-то Кристиану подумалось, что будет очень правильно предложить свою помощь.

– Разве вы, юноша, только что не спешили?

– Это терпит.

– Что ж, не в моих правилах отказываться от помощи. Пойдемте.

Шли они недолго. В самом конце грязноватой улочки, затененной нависающими крышами близко стоящих домов, старик остановился перед сколоченной из сосновых брусьев дверью, над которой покачивался медный крендель. Когда-то давно, когда медь была красно-желтой и яркой, крендель, наверное, казался только что вынутым из печи, но сейчас, покрытый зеленой пленкой патины, он выглядел заплесневелым. И хотя здание буквально пропиталось запахом хлеба, и было ясно, что внутри покупателя ждут свежие караваи, а не зеленые от плесени кренделя, любой бы понял: лавка знавала и лучшие времена. Старик потянул дверь за ручку и шагнул в полутемное нутро дома.

– Здравствуй, Теодор, – приветствовал старика пекарь, такой же старый и тощий. На Кристиана он даже не посмотрел.

– И тебе здравствовать, Эрих. Все богатеешь?

– Разбогатеешь тут, – желчно ответил пекарь. – С утра покупателей – по пальцам перечесть. Чтобы печь растопить, трачу больше, чем с таких покупателей выручаю. А ты что, опять за хлебом для своих оглоедов пришел?

– Для детей, Эрих. Для детей, – развел руками старик. – У тебя ведь самый лучший хлеб в городе. Дети так и говорят: мол, дядя Теодор, передайте наше спасибо дяде Эриху, нету во всем Шаттенбурге хлеба вкуснее, чем у него.

– Так я и поверил, – пекарь скривился. – От щенков твоих слова доброго не дождешься, будто я не знаю. Вкусный хлеб, как же. А кто мне дохлую кошку в трубу сбросил? Как пить дать твои!

– Не может того быть, Эрих, – мягко возразил священник. – Они не такие.

– Много ты о них знаешь! Ты ж с детства такой простодыра: тебе поплачутся, а ты и уши развесил. А они, оглоеды твои, в прошлую седмицу у Анны-белошвейки корзину с нитками увели! И у Томаса-краснодеревщика окорок из кладовой стянули, а в нем фунтов десять было! Ну а мне вот кошку в трубу забросили! А ты их привечаешь, прикармливаешь!

– Это же дети, Эрих. Некому заботиться о них, даже цеховые рукой махнули. Разве ж можно допустить, чтобы они пропащими душами стали?

Булочник фыркнул.

– Будто там из кого толк выйдет. Как по мне, вовсе и неплохо, кабы они все в лесу сгинули, а не только четверо. Эй, ты что?!

Теодор, перегнувшись через стол, схватил хозяина лавки за грудки, да так, что рубаха затрещала и с заходившего ходуном стола посыпались крошки.

– Не верится мне, что слышу от тебя такие речи, Эрих! – яростно прохрипел он. – Виданное ли дело – радоваться тому, что дети смерть лютую приняли?! Побожись, что сказал не подумав! Побожись, что жалеешь о своих словах!

– Не... не подумал, – с трудом выдохнул пекарь, горло которого было пережато воротом рубахи. – Жа... жалею! Отпусти же, старый дурак!

Несколько минут оба старика, уперевшись руками в стол, тяжело дышали. Потом Теодор бросил на изрезанные доски монеты.

– Неси хлеб!

Булочник пошаркал за загородку и вскоре вынес оттуда стопку ржаных хлебов: плоских, едва ли не в локоть шириной и вышиной в три пальца, с дыркой посередине.

– Вот, забирай. Дюжина, как обычно, – пробурчал он, не глядя на гостя.

– Сейчас рассчитаюсь за десяток, – откликнулся тот. – За остальное позже отдам.

– Еще не хватало! – взвыл пекарь, предусмотрительно держась подальше от покупателя, и тут же сцапал две буханки. – Довольно уже, наотпускался в долг! По миру меня пустить хочешь?

– Ах ты, кровопийца! – У священника даже борода встопорщилась от ярости. – Продаешь хлеб, что суше камней Палестины, да еще руки выкручиваешь? Им дюжина – как раз на неделю, и никто там не жиреет с таких обедов!

– А мне-то что? Я тоже, как видишь, жиром не зарос, сам забыл, когда свежий хлеб ел, сухарики размачиваю!

Возможно, старики снова схватили бы друг друга за глотки, но Кристиан шагнул к столу и высыпал из кошелька горстку мелочи. В конце концов, не зря же ему удалось сэкономить на чернилах.

Пекарь тут же смахнул медяки в ладонь, подслеповато вглядываясь, пересчитал.

– Могу еще буханку добавить, – подумав, сказал он.

– Лучше купите себе кренделек, – негромко ответил Кристиан. – Может, добрее станете.

– Ты меня жизни не учи, – фыркнул пекарь. – Видали мы таких учителей.

Теодор уже нанизал хлебы на толстые веревки, по полдюжины на каждую. Связал свободные концы узлом, отдал одну связку Кристиану, вторую повесил себе на плечо.

– Пойдемте, юноша.

Когда за спиной захлопнулась дверь, старик остановился и потер переносицу.

– Все хорошо? – участливо спросил послушник.

– Подумать только, – священник тяжело вздохнул, – и это мой брат...

– Брат?

– Увы, да. Никогда мы с ним не ладили, но чтобы вот так... Пути наши давно разошлись: я служу при церкви Святого Олава, ему же всегда была милее мирская жизнь. К тому же кто-то ведь должен работать в отцовской пекарне. А вы поступили очень достойно: увы, не каждый в наше время даст незнакомцу денег. Кстати, мы ведь так и не познакомились...

– Вас зовут Теодор, я слышал в лавке. А меня – Кристиан.

– Прекрасное имя для достойного юноши, – тепло улыбнулся старик. – Ну а теперь, если у вас еще есть немного времени, пойдемте к тем, кто ждет нас. Нас и этот прекрасный хлеб!

2

«...А посему именем Господа нашего святая церковь и представляющий ее в округе Финстер посланник Святого престола отец Иоахим всем заблудшим дают три дня на покаяние. Не тот грешник, кто раз согрешил, а тот, кто всегда грешит. И не тот еретик, кто однажды усомнился, а тот, кто в сомнениях своих укрепляется волей дьявольскою и смуту сеет меж людей. Кто стремится к добродетели и падет, такому надо делать снисхождение, ибо он не стремился ко греху, искусился нечаянно. А кто святой церкви добровольно помогать станет, тот не будет оставлен милостию Божьей. Пусть в течение трех дней придет он в город Шаттенбург, предстанет лично перед отцом Иоахимом и расскажет ему все, что знает, что сделал или видел либо слышал от других о делах, относящихся к нашей святой католической вере. Дабы истина стала известной и виновные были наказаны, а добрые и преданные христиане проявили себя и были вознаграждены, а наша святая католическая вера укреплена и возвышена».

Оливье закончил читать, неторопливо свернул бумагу и сунул ее за пазуху. Потом оглядел собравшихся перед трактиром крестьян. Дюжин пять душ – мужички-работники, бабы, ребятня... Небольшая толпа ничем не отличалась от других, увиденных за утро. И следующие едва ли хоть чем-нибудь будут отличаться от этой. Четыре деревни оповещены, еще четыре на очереди.

Девенпорт смотрел на лица, темные от загара и осунувшиеся от каждодневной работы. Крестьяне прятали глаза, но он и так знал, что в них сейчас скрывалось.

Тревога. Мрачная, угрюмая тревога. Они еще толком не поняли, что прочитал незнакомый всадник, до них еще не вполне дошел смысл произнесенных им слов, а в душах людей уже поднял голову, закопошился на дне рассудка серый и скользкий страх. Они привыкли: любые вести, приезжающие на крепких лошадях под стук притороченных к седлам щитов и тяжелое позвякивание кольчуг, обычно сулят беды, в лучшем случае – новые тяготы. Таких вестей мужику всегда следует бояться. Может, ничего страшного и не случилось вовсе, но он – мужик – лучше согнетса заранее: так легче сдержат натиск судьбы, не сломаться под ее гнетом.

«Ну теперь не зевайте, землерои! – мысленно воззвал к ним Девенпорт. – Чешите в город во все лопатки, целуйте в зад отца инквизитора! Доносите, пока не донесли на вас самих!»

Как всякий человек неблагородного происхождения, сумевший выбраться из колеи предначертанного и проложить через великую равнину жизни свою собственную дорогу, Оливье искренне презирал тех, кто безропотно ехал по пути, назначенному им судьбой.

Оторвав взгляд от медленно расходящихся с площади крестьян, француз посмотрел в безоблачное небо. Никак уже к полудню время подходит, а поручение барона выполнено лишь наполовину.

– Эй, гауптман, – позвал из-за спины сиплый голос.

– Капитан, Проныра. Ты вроде не полный дурак, пора бы уж запомнить.

– Как бы брюхо чем набить? – спросил наглец, пропустив начальственное замечание мимо ушей. – А то до вечера небось мотаться...

– Ничего, помотаешься, тебе только на пользу.

Окончательно забыв о деревенских, Оливье повернулся к своим людям – троим мечникам из охраны барона, которых он прихватил с собой. Один из них – узкоплечий малый с копной рыжих волос на непокрытой голове – нагло скалился во весь широкий щербатый рот. Двое других мрачно косились на товарища, знали: с Девенпорта теперь станетс удер-

жать их в седлах до самого заката. Просто чтоб в другой раз никто из парней не вякал без разрешения. Их хмурые рожи заставили капитана усмехнуться:

– Сейчас все равно в город возвращаться – там и поедем.

– Ну хоть пива кружку-другую, а? – Ободренный усмешкой Девенпорта, рыжеволосый Рольф по прозвищу Проныра рискнул повторить попытку. Ему повезло – командир, под кольчугой которого уже становилось жарковато, и сам подумывал о чем-нибудь пенистом и холодном.

– Merde⁴¹! Ладно, по одной – и в дорогу.

Благо харчевня – вот она, три шага сделать до дверей. Внутри оказалось сумрачно и душно. За одним из столов сидели двое мужиков довольно-таки прохиндейского вида – они о чем-то шептались и поочередно ныряли ложками в миску с ячменной кашей. На вошедших солдат оба зыркнули с явной опаской, а когда Девенпорт прищурился в их сторону, мужики прекратили есть – как видно, аппетит потеряли.

– Кто такие? – прямо спросил Оливье. – Чего здесь торчите, на площадь не вышли, как было велено?

– Мы не здешние, господин, – забормотал один из любителей каши – бородач лет сорока. – Подмастерья мы у Дитриха, коваля с кузнечного ряда, он нас сюда прислал-то. Туточки эта... кожевник из Фучсдорфа каждую неделю приезжает – торговать, а Дитриху евовные кожи...

– Почему не слушали послание отца инквизитора о покаянных днях? Или каяться не в чем?

– Мы слушали, господин. Мы к окошку, к окошку-то к самому подошли, а потом уж, как ты закончил, и отсели сызнова – потрапезничать.

– Ну-ну-у, – со скрытой угрозой протянул Девенпорт, – трапезничайте покуда... подмастерья. Эй, хозяин тут есть?!

На его крик из чадной кухни выскочил тощий, точно жердь, детина. Вытирая пальцы о длинный серый фартук, он просеменил к гостям.

– Денек добрый, господа, денек добрый! Не услышал я, как вы вошли, – маслице в лампы доливал, маслице, вот...

– Как твое коровье стойло называется? – поинтересовался капитан, с пренебрежением оглядываясь по сторонам.

– «У Хейнрика», господин.

– Ты и есть Хейнрик?

– Хейнрик, господин. Но тот Хейнрик, что имя заведению дал, – он моим дедом был. И отца Хейнриком звали, а уж он и меня назвал в дедову память: Хейнрик.

– Надо думать, сынка своего ты так же назовешь? Чтобы ему ни название, ни вывеску менять не пришлось, а?

– Уже назвал! – Харчевник закивал, глядя на пронцательного гостя с уважением. – Старшенького!

– Практичный ты человек, Хейнрик, – одобрил Оливье, усаживаясь поближе ко входу и к тянущему от дверей свежему сквозняку. – Надеюсь, это не значит, что ты свое пиво разбавляешь водой. Подай-ка нам с ребятами по кружке – самого холодного, какое есть.

А почему, – обратился он вдруг к мужикам, снова взявшимся было за ложки, – кожевник из Фучсдорфа приезжает торговать сюда, а не в город?

Бородач поперхнулся – каша ему поперек горла стала. Когда прокашлялся, просипел с натугой:

⁴¹ Merde – дерьмо (фр.).

– Нет, господин, он не здесь торгует-то. Торгует он в Шаттенбурге, вестимо. Нас Дитрих сюда завсегда присылает, чтоб мы того... сопроводили кожевника-то. Он как приедет – так здесь ночует, а утром мы его уж до самого города доставляем, честь по чести. А он нашему ковалю за то цену завсегда скостит – не поскупится.

– И как? Встретили?

Ответить бородач не успел – его упредил харчевник:

– Почтенный Фейрах вчера приехал, да ночевать не стал. Собрался спешно и на ночь глядя – в путь. Уж я его увещевал, чтоб он остался, но только уперся господин Фейрах – ну прям ни в какую. Так и уехал. А вы, парни, с ним разминулись, не иначе.

– Верно, – с кислой миной согласился второй подмастерье, – зря только ноги топтали.

* * *

С ночи на дороге было свежо, после полудня от свежести осталось одно лишь воспоминание. Что за день! На небе ни облачка, и даже ветер совсем утих. Осень укрылась в горах и лесных чащобах, по долинам снова гуляло лето – резвилось напоследок, прежде чем надолго покинуть эти края.

Скинуть тяжелые кольчуги Девенпорт своим людям не позволил. Мало ли что – места чужие, народ кругом подозрительный. Бойцы не жаловались – привыкли к осторожности капитана.

Почему он ни с того ни с сего натянул вдруг поводья – Оливье и сам сперва не понял. Предчувствие всколыхнулось – смутное, но недоброе.

– Стой, – приказал он глухо.

Что-то было не так... Засада? Соглядатай, затаившийся в подлеске? Нет, не то... Прямая угроза – она будто удар кинжала: острая и мгновенная, от нее екает сердце, ломит в висках, колет в затылке. А сейчас Девенпорту показалось: шутник-невидимка швырнул ему в лицо горсть мелкого сухого снега. Колочая крошка обожгла кожу – сперва холодом повеяло, потом щеки и лоб вспыхнули от жара. Что, что не так?!

– Хей, гауптман, чего встали?

– Капитан, – буркнул Девенпорт, принимая расслабленный вид. – Сто раз тебе, бестолочи, сказано: капитан. А чего встали... Мне до ветру надо.

Он соскочил с конька, потянулся, ласково провел рукой по лошадиному крупу. И глянул по сторонам, вроде как выбирая, в какие кусты прогуляться... Да вот в эти – на которых нижние ветки надломлены.

– А ну сидеть, – коротко приказал он, проходя мимо Проныры, – тот уже вынул одну ногу из стремени и не иначе тоже надумал спешиться. – В седлах оставайтесь, ждите меня.

Лицо рыжего вытянулось. Не слушая его недовольного ворчания, Оливье углубился в заросли орешника. Глаз опытного следопыта схватывал на ходу: слом на ветках свежий, а вон трава вырвана, камни сдвинуты... Что-то волокни от дороги в лес? Так-так... Девенпорт остановился, медленно и глубоко втянул носом воздух. Запах был слабый, едва различимый, но Оливье слишком хорошо знал этот запах, чтобы ошибиться. Он не пошел дальше.

– Эй, Джок, Проныра, живо сюда. Хрящ, лошадей карауль.

Негромкие голоса, долетавшие с дороги, разом стихли, зашуршала одежда, лязгнуло железо. И десяти ударов сердца не минуло, а двое уже стояли рядом с Девенпортом. Они служили под его началом дольше других, он сам их когда-то нашел и привел в дружину барона. Сам обучил, сам выпестовал, про каждого точно знал, на что тот способен.

– Чуете?

Оба наемника послушно принялись.

– Падалью тянет, – неуверенно буркнул высокий и светловолосый Джок.

– Вот-вот. Похоже, ночью на трактах тут небезопасно. Помните кожевника, о котором трактирщик и те двое болтали? Он к ночи в город подался – не иначе его по пути кто-то и прихватил. Гляньте сюда: тело тащили, тяжелое.

– Крови нету, – сказал Джок.

– Ясное дело, нету, – Проныра пренебрежительно фыркнул. – Напрыгнули сзади, удавочку кинули. О-оп! Чистая работенка, добротная.

– И другого следа не видно, – заметил Оливье. – А с кожевником, если трактирщику верить, ехал еще работник...

Они переглянулись, и Девенпорт двинулся дальше по следу. И без слов было ясно, о чем подумали все трое: небось тот парень, что сопровождал господина Фейраха, и обвил горло хозяина веревочной петлей. Самые простые объяснения чаще всего и оказываются самыми верными. Позарился слуга на хозяйские денежки – обычная история.

– Воза тоже нет, – рассуждал на ходу Проныра. – Стало быть, не своими ногами малый ушел. А если лошадь крепкая и сам он не дурак, то воз еще до города куда-нибудь в овраг пихнул, теперь верхами едет. Все одно небось поймают, станет одним глупым висельником больше на этом свете.

Оливье усмехнулся. Если бы он три года назад не приметил этого ловкача среди прочего наемничьего сброда, Рольф небось давно уж сам украсил бы своим мертвым телом какую-нибудь силезскую осину.

Отведя рукой пышные еловые лапы, Девенпорт вдруг застыл на месте. Все простые объяснения разом вылетели у него из головы.

– Нашел, гауптман?

Проныра сунулся вперед, глянул... и невольно попятился. Рука наемника, никогда не дрожавшая, если ей приходилось провести ножом по горлу ближнего, мелко тряслась, творя охраняющий крест.

– Матерь Божья, святая Дева...

– Капитан, merde, – процедил сквозь зубы Девенпорт. – Сказано тебе, капитаном меня зови, швабское отродье.

Иногда простые объяснения ни черта не стоят.

3

Все финансовые записи бургомистр предоставил фон Ройцу без лишних вопросов. То ли он не чувствовал за собой никакой вины, то ли был готов на все что угодно, лишь бы мрачные гости поскорее убрались из его города. Впрочем, скорее всего, верны были обе догадки – никаких особых погрешностей в записях фон Ройц пока не нашел. И, в общем-то, в городе, выкарабкивающемся из трясины упадка, дела и должны идти примерно так. Обороты сравнительно небольшие: хотя понемногу и растут год от года, но до городов, входящих в Ганзу⁴², Шаттенбургу еще ой как далеко. Вот если бы при таких оборотах барон, глядя в окно, видел утопающие в роскоши дома ратманов и купцов, тогда был бы повод для беспокойства.

Однако вид из окна открывался вполне прозаический: даже жилища самых богатых горожан на фоне иных кварталов Бремена или Лейпцига смотрелись более чем бледно.

– Сроду бы не подумал, что расследование может проводиться так, – криво улыбнулся инквизитор, глядя на заваленный бумагами стол.

– А, это вы, отец Иоахим... Входите.

Ойген устало откинулся на круглую спинку довольно неудобного кресла и потянулся. Отодвинул в сторону грифельную доску, на которой вел счет, будто заправский ломбардец, окинул взглядом груды свитков и тяжеленные бухгалтерские книги, в которые бургомистр и ратушные писари год за годом прилежно заносили суммы городского расхода и дохода, прибыли от ярмарок и подати. От геллеров и даллеров рябило в глазах, но фон Ройцшний раз поблагодарил Провидение и свою матушку за то, что получил приличное воспитание и поднаторел в арифметике.

– До некоторых пор я и сам бы о таком способе не подумал, – продолжил барон. – Но жизнь предоставила мне массу возможностей убедиться, что преступления, в первую очередь, совершаются из-за денег, даже когда эту причину стараются скрыть рассуждениями о чести и высших интересах. Значит, искать след преступления стоит поближе к деньгам – и куда уж ближе, чем записи о доходах и расходах? Да и – согласитесь, такой способ не в пример мягче всем известного и многими любимого: волочь в холодную, потом уголька к пяткам, сапоги испанские, иглы под ногти. А так, – Ойген обвел рукой стол, – тише, спокойнее. И чище.

Николас, тихонечко сидевший в углу и правивший оселком клинок, чуть слышно фыркнул.

– И как, – инквизитор опустил на жесткий стул, – нашлись следы?

Барон неопределенно покрутил пальцами в воздухе.

– То есть нет?

– Позвольте, святой отец, но полной уверенности в том, что преступление против короны действительно свершилось, у нас и не было. Имелись лишь подозрения, но они могут оказаться ошибочными, никакого заговора нет, и наш визит сюда – лишь пустая трата времени.

– Ваш – может быть, но никак не мой, – скривился Иоахим.

– Имеете в виду случившееся на площади? – вскинул брови фон Ройц.

– Не только. Взять хотя бы вчерашний ужин...

– И что с ним не так, со вчерашним ужином?

– Не с ним. С теми, кто на нем присутствовал.

⁴² Ганза – могущественный торговый союз северо-немецких городов, существовавший в XIV–XVI веках, в который в пору расцвета входило около сотни городов.

– Вы говорите загадками, святой отец. А мне, видит Бог, загадок и без того хватает, чтобы ломать голову, кто из ратманов показался вам подозрительным.

– Ратманы совсем ни при чем, – махнул рукой инквизитор. – А вот та дама, что появилась позже прочих... Фрау Ульрика Йегер.

Фон Ройц не мог не заметить, как вздрогнул Николас. Министерал не оторвал взгляда от меча, и оселок все так же с чуть слышным скрежетом скользил по стали, но барон, привыкший отмечать даже самые малозначительные мелочи, понял: теперь его вассал вдвое внимательнее прислушивается к разговору. С чего бы это?

А отец Иоахим меж тем продолжал:

– Ну та, что в черно-зеленой парче, помните?

– Помню, – кивнул барон. – И что с ней не так?

– Она вызывает опасения.

В комнате словно потянуло ледяным сквозняком. Конечно, Ойген прекрасно помнил разговор трехдневной давности, и сейчас ему откровенно не нравилось то, что – а главное, как – говорит священник. Все-таки одно дело, когда, защищая честь сюзерена, собеседника ставит на место он, фон Ройц, и совсем другое, когда его пытаются бить его же оружием. За последние дни отец Иоахим осмелел: особенно это стало заметно после вчерашней проповеди. Куда подевался тот субъект с дрожащей губой, что стоял по щиколотку в грязи на разбитом проселке какие-то две седмицы назад? Сейчас он выглядит уверенным, ведет себя хозяйски, и даже росту в нем как будто прибавилось. Нужно быть осторожнее со святошей.

– Но ведь и у вас, у святой инквизиции, есть *процедура*, – ровным голосом сказал барон, с трудом сдерживая издевку. – И одних *опасений* недостаточно.

Отец Иоахим едва пятнами не пошел. Несколько мгновений казалось, что его уста извергнут слова, недостойные священника, но инквизитор справился с собой и выдал утвердительным кивком:

– Конечно, процедура существует. Но все же подозрения мои велики. О пастве беспокоюсь, о душах незащищенных, кои в заступничестве нуждаются. Поэтому я хочу побольше узнать об этой загадочной персоне.

Николас по-прежнему мерно вжикал оселком. Этак он его до пальцев сотрет или из меча ножик сделает. А что, если...

– Пожалуй, я помогу вам, святой отец. Вы заняты и ваши люди тоже. Так позвольте же моему министералу навестить поместье фрау Йегер, разузнать что к чему. Ведь это долг каждого честного католика – помогать матери нашей святой церкви, не правда ли?

Инквизитор поджал губы. Фон Ройц буквально слышал, как в голове под тонзурой шелкают костяшки абака: «да» или «нет», согласиться или отказаться. И еще до того, как Иоахим открыл рот, барон понял, что выгоды перевесили.

– Благодарю за предложение, фрайхерр фон Ройц, – кивнул инквизитор. – Буду ждать отчета. А теперь я вынужден...

Он не договорил – дверь распахнулась столь резко, что священник едва успел прыгнуть в сторону, спасаясь от удара. Через порог комнаты переступил Девенпорт – его одежду покрывала дорожная пыль, а руки занимал небольшой продолговатый сверток.

– Господин барон... – Француз быстрым шагом направился напрямик к столу фон Ройца, инквизитора он, похоже, вовсе не заметил. В поспешности капитана было нечто тревожное – такое, что заставило отца Иоахима проглотить раздраженное восклицание. И уходит священник явно раздумал.

– В чем дело, Оливье? – Ойген нахмурился. – Что за вторжение? Надеюсь, у тебя весомая причина.

– Нет, признаться, она довольно легкая.

Обычная дерзость наемника прозвучала как-то странно – можно было принять ее не за дерзость, а за рассеянный ответ человека, слишком погруженного в собственные мысли.

– Я слишком занят, Оливье, и не расположен слушать твои шутки. Что у тебя? Говори толком.

– Вот, сами судите, – француз положил на стол принесенный сверток и быстро развернул не первой свежести тряпицу. Барон, наклонившийся было вперед, резко выпрямился, губы его брезгливо изогнулись. В свертке оказалась человеческая рука, отсеченная по локоть, – какая-то древняя, совершенно иссохшая и мумифицировавшаяся, с сухой, как пергамент, кожей, висящей на почти лишенных плоти костях.

– Какого дья... – Фон Ройц осекся, бросил сумрачный взгляд на подошедшего вплотную инквизитора и закончил недовольным тоном: – Где ты взял эту дрянь?

– По дороге в Шаттенбург из Рейхенау. Позаимствовал у мертвого кожевника.

– Какого еще кожевника, чтоб тебя?!

– Густава Фейраха из Фучсдорфа, он вез кожи здешнему кузнецу, но не довез, как видите.

– Когда вез? В прошлом году?

– Нет, прошлой ночью.

– Ты, верно, спятил, – барон откинулся в кресле, тон его из угрожающего стал настороженным. Девенпорт, конечно, не был ангелом, но обыкновения шутить столь нелепо за ним не водилось.

– Лучше бы спятил, – проворчал француз и кратко рассказал историю своей жуткой находки, от встречи с подмастерьями коваля Дитриха и до того момента, как случайно взятый след привел его к двум мертвецам, небрежно брошенным всего в полусотне шагов от дороги.

Один из них – здоровенный, просто одетый детина, очень походил на описанного трактирщиком Франка, слугу Фейраха. Ни ран, ни сломанных костей – парень будто прилег поспать рядом с телом хозяина. Иссохшим, обезображенным до неузнаваемости телом.

– Так, может, второй – и не Фейрах вовсе? – резонно усомнился подошедший к столу Николас.

– Пока мы с ним возились, нас нагнали подмастерья кузнеца, которому он добро свое вез. Я им тела и показал. Когда проблевались, признали большое родимое пятно на левой скуле. Да и слугу его тоже признали. И вот еще что: перстень на пальце, серебряный крестик, даже кошель – все при нем осталось. Кто бы кожевника ни прикончил, он не на деньги его позарился. Только воз с кожами забрал.

– Воз? – Лицо барона отразило недоумение. – Зачем убивать ради воза каких-то кож?

– Быть может, чтобы проехать в город, не внушив подозрений. Утром стражники пропустили его через Восточные ворота.

– Ты говорил с ними?

– Само собой, – Девенпорт поморщился. – Болваны уверяют, будто лошадей правил сам Густав Фейрах. Ма foi, они готовы в том побожиться! Воз мы с парнями нашли на соседней улице – его просто бросили, воришки уже стали растаскивать нагруженное туда барахло.

Барон помолчал, обдумывая услышанное, потом невнятно выругался и произнес:

– Не хватало нам еще забот, от которых воняет серой! Что скажете, святой отец? Сдается мне, сера – она по вашей части.

– Пусть стражники ищут этого... Густава, – задумчиво произнес инквизитор. – Если он суть дьявольское отродье, принявшее облик убитого человека, то облик этот, несомненно, выдаст его нам.

– Звучит резонно. Оливье, проследи... и забери это, будь любезен.

Не сказав больше ни слова, Девенпорт завернул отсеченную конечность обратно в тряпицу и вышел. Когда дверь закрылась за его спиной, Николас высказал вслух то, чего при французе, похоже, говорить не захотел:

– Какая-то... дурацкая история.

– Да уж, – буркнул барон, сосредоточенно потирая пальцем угрюмую складку между бровей.

Однако Иоахим с ними не согласился:

– Отнюдь не дурацкая, отнюдь! – Глаза инквизитора блестели от возбуждения. – Зловещая – да, но не глупая. Как я и предполагал, фрайхерр фон Ройц, мое расследование в Шаттенбурге лишь начинается. О, я все больше и больше укрепляюсь в мысли, что приехал сюда не напрасно.

– Что ж, – кисло улыбнулся барон, – если вы, святой отец, сумеете пролить свет на это дело...

– Все в руках Господа, все... Чудовище, напавшее на детей, давешняя ведьма на площади и вот теперь – эти несчастные. Уверен, перед нами узлы на одном дьявольском вервии, обвившем город! Наш общий долг, фрайхерр фон Ройц, найти первопричину – то место, откуда вьется веревка, источник зла. С вашей поддержкой и с помощью Божьей я намерен очистить Шаттенбург от козней Сатаны.

Барон на этот горячий призыв усмехнулся с иронией, но вслух произнес:

– Разумеется, святой отец. Вот только никак я не пойму, какое место среди ваших «узелков на веревке» может занимать вдова Йегер.

– Быть может, что никакое, – лицо священника отразило неудовольствие. – Но все же, как я сказал, она вызывает опасения. Женщина молода и красива, однако живет уединенно, и слуги ее приезжают в город лишь для того, чтобы поторговаться в лавках. Разве это не странно?

– Вчерашним приемом фрау Ульрика не побрезговала, – пожал плечами барон. – Выходит, не так уж уединенно она живет. И разве не признак добродетели, что жена чтит память своего мужа и редко появляется на виду, дабы не разжигать пустых надежд в мужских сердцах?

– Похоже, так она лишь подогревает к себе интерес. Но дело не только в этом. Я поговорил со здешними пастырями. Никто из живущих в Йегерсдорфе людей не показывается на храмовых службах. Даже по большим праздникам. Что скажете на это, фрайхерр фон Ройц?

– Ничего, святой отец. Как я уже обещал, Николас займется фрау Ульрикой. Можете положиться на него.

– Прекрасно. Тогда, с вашего позволения, я удалюсь. У меня много дел.

Выждав, пока инквизитор проскрипит половицами к выходу из здания, Николас сказал:

– Спасибо, экселенц.

– Не за что, – барон пододвинул поближе кипу бумаг. – Понравилась?

– Да, – не глядя на барона, Николас уложил в сумку оселок, тряпицы, склянку с маслом. Вогнал вычищенный и отточенный меч в ножны, снова перевязал шнурком гарду, аккуратно склеил восковую печать, будто и не извлекал клинка. – Когда мне отправляться?

– Можешь не откладывать, – фон Ройц вел пальцем по строчкам. – Пришли Карла, чтоб здесь посидел. И пусть попить чего-нибудь принесет, а то в горле пересохло от бесед с... этим.

– Да, экселенц.

Николас шагнул к выходу, и тогда барон сказал ему в спину:

– Будь осторожен.

Не останавливаясь и не оборачиваясь, Николас кивнул. А потом вышел из комнаты и аккуратно притворил за собой дверь.

4

Колун описал идеальную дугу, и сосновый чурбак со звонким хрустом распался на две половинки. Микаэль бросил их в кучу и взял новое полено. Он работал как заведенный, и куча наколотых дров росла прямо-таки на глазах.

Отец Иоахим был занят своими делами, Кристиан ушел за чернилами в лавку, и нюрнбержец оказался предоставлен самому себе. Поручений инквизитор ему не давал, так что он спросил у Кунрата Хорна не нужна ли помощь. Когда хозяин трактира сказал, что все некогда дров наколоть, Микаэль даже обрадовался: отличный способ поразмяться. Да и мосты навести с местными тоже не помешает, а то многие от приезжих шарахаются.

Большая часть баронских слуг меж тем, как и день назад, дулась в кости – трудно было поверить, что можно тратить на игру столько времени, но для них, казалось, нет ничего притягательнее стука кубиков в кожаном стаканчике. Особых везунчиков не было – медь и серебро меняли хозяев по десятку раз за час, но к концу игры все оставались примерно при своем. Может, поэтому игра так долго и тянулась: если бы кто-то сильно выигрывал, остальные или отвалились бы от стола, проигравшись в пух, или пересчитали бы счастливицу зубы, чтоб не слишком скалился от радости.

С наемниками все иначе. Девенпорт им задницы отсиживать не дает: вчера чуть не весь день на заднем дворе с мечами скакали, и было видно, что неумех среди них нет. Сегодня ни свет ни заря Оливье поднял тройку своих бойцов, и они рысью умчались. Пожалуй, мало кто в деревнях округа Финстер обрадуется вестям, что они принесут.

– Молочка, сударь? – Рядом, откуда ни возьмись, появилась служанка. Девицы в «Кабанчике» вообще были как на подбор, ну а эта, пухленькая, с самого приезда строила Микаэлю глазки – в отличие от остальных, которые мимо всех приезжих проходят этак по стеночке, бочком, улыбаясь через силу. Как ее... Бригитта, кажется? Вот и сейчас – раскраснелась вся, глаза блестят, и грудь под лифом вздымается так, что ткань, того и гляди, треснет.

– Свежее?

– А как же! Для вас, сударь, все самое лучшее, – она прикусила губу, разглядывая обнаженного по пояс мужчину, взмокшего от тяжелой работы.

– Ну раз так... – взял из женских рук крынку, словно невзначай накрыв широкой ладонью ее пальцы, сделал с десяток глотков. И впрямь свежее. – Спасибо, красавица.

– А я гляжу – всю поленницу перекололи. Думаю, умаялись...

– Да какое там. Иногда в охотку.

Все просто и хорошо знакомо: в жизни Микаэля таких разговоров было немало, да и в жизни служанки, наверное, тоже. Оба понимали, чем он должен закончиться, – и, наверное, он бы так и закончился, не показись на крыльце Оливье Девенпорт, сжимавший в правой руке сверток из холстины, сплошь покрытой бурыми пятнами.

Интересно, когда этот малый успел вернуться? Не иначе что-то случилось: не мог он объехать все восемь деревень.

Капитан наемников был чернее тучи, и Микаэль развернул служанку, мягко толкнул ладонью в поясницу. Та все поняла без слов. Впрочем, далеко Бригитта не ушла – встала у крыльца, слушает. И другие работники постоялого двора, до того с муравьиным усердием сновавшие между домом и надворными постройками, тоже навестили уши.

Девенпорт пнул чурбак, зыкнул на Микаэля. Тот спокойно выдержал этот взгляд. Колун нюрнбержец положил себе на плечи, придерживая обеими руками, – поза уверенного человека. Француз все понял: даже самый круглый дурак, увидев количество шрамов на теле воина, поостерегся бы с ним связываться. А еще он видел кинжал, висящий на поясе телохранителя.

Таких Девенпортов Микаэль знал хорошо – выходцы из простонародья, они всю жизнь мечтают о лучшей судьбе: девочки видят себя принцессами, мальчишки – победителями драконов. Обычно жизнь их быстро вразумляет: глазом моргнуть не успеешь – родители уже со сватами сговорились или сами сватов послали, и вот уже пятеро детей стучат по столу ложками, а ты от зари до зари ходишь за плугом, поднимая скудную землю. Тут уж не до сказок: было бы в доме тепло да хлеба краюха, а о большем и не мечтай.

Но случается, не хочет человек мириться с судьбой, стремится сломать ее через колено, пока она его не сломала. Иные кончают на плахе, иные умирают в придорожной канаве, но есть и те, кто зубами выгрызает себе другую долю. У такого не стой на пути: простолюдинов они на дух не переносят, ведь те напоминают им не о том даже, от какой судьбы они ушли, а о том, какую цену заплатили за это.

– Зачем вы здесь? – спросил наконец француз. – Что вам нужно в городе – тебе и твоему инквизитору?

Микаэль выдержал паузу.

– Разве не знаешь?

– Видит Бог, до сих пор мне не было до этого никакого дела. Я служу барону, и забивать голову чужими вопросами мне незачем.

– Однако теперь интересуешься.

– Приходится, – Девенпорт, и без того мрачный донельзя, нахмурился еще сильнее. – Ну так зачем?

– Горожане воззвали к Святому престолу – мол, чудовище напало на детей, – ровным голосом ответил Микаэль. – Инквизитор здесь, чтобы разобраться.

– Чудовище, значит, – протянул капитан. – Ну-ну...

Нюрнбержец пожал плечами и перехватил колун, намереваясь вонзить его в следующий чурбак.

– Не спеши, – француз приблизился на шаг. – Что за чудовище?

– У отца Иоахима узнавай. Я человек маленький – сказали охранять, вот и охраняю.

Разговор ему был неприятен, и он понимал, что наемник это чувствует.

– Слушай, ты... – Оливье вдруг оказался совсем близко (а в бою он, пожалуй, куда как опасен!) и прохрипел, брызжа слюной: – Как тебя там... Я с тобой по-хорошему...

«Да он же боится!» – понял вдруг Микаэль. Оттого и бесится, что страх одолеть не может. И боится не какого-то неведомого врага, а самой своей слабости. При мысли о том, что могло так напугать явно немало повидавшего капитана, ему стало не по себе.

– ... а тут черт знает что творится! – страшно шептал Девенпорт. – Ты вот такое когда-нибудь видел?! Видел, я тебя спрашиваю?!

Дернув за края холстины, он бросил на землю содержимое свертка. Им под ноги упала обтянутая пергаментной кожей высохшая рука со скрюченными пальцами. Бригитта юркнула в дом, взвизгнули прачки, а проходящий мимо конюх выронил ведро с ячменем.

– Убери! – прорычал Микаэль. – Людей пугаешь!

У него и у самого мороз пошел по коже.

– Кого?! – выверился Девенпорт.

Микаэль скривился. Конечно, такие как Оливье вообще мало кого за людей считают. Они и в города чаще входят, держа меч наголо, а не в ножнах: в правой меч, в левой головня. Со всеми разговор короткий: мужика увидел – голову с плеч, детей – в костер, бабу – разложить, и вся недолга... Он с трудом удержался, чтобы не сплюнуть капитану на сапоги.

– Людей, говорю, не пугай, – отложив колун, нюрнбержец завернул страшную находку в холстину и всучил наемнику: – На, держи. И проваливай. Нечего мне сказать, не больше твоего знаю.

– Как бы не пожалеть тебе об этом!

Девенпорт круто развернулся на каблуках и зашагал прочь. Микаэль, подождав, пока тот скроется за воротами, опустился на чурбак. Да, дела – чем дальше, тем мрачнее. Надо за отцом Иоахимом приглядывать в оба глаза. И Кристиану сказать, чтобы осторожнее был. Кстати, где он? Долго ходит за чернилами. Пойти поискать, что ли?

На крыльце вновь показалась Бригитта. Но подойти не решилась: лишь смотрела на задумавшегося мужчину. И хотя небо над городом было чистым, ей почему-то казалось, будто город вот-вот накроет ледяная мгла.

5

В улыбке Иржи было столько насмешки, что хватило бы на троих Марек.

– Вот три геллера на селитру, вот еще два – на свинец. Зажми монеты в кулаке, так вернее будет.

Марек скрипнул зубами, но промолчал. Сам заслужил – теперь терпи.

– Главное, не напутай, купи только то, что я сказал. Денег лишних у нас нет, а заработком заниматься нам сейчас не с руки.

– Сам бы и сходил, коль не доверяешь, – проворчал Марек. – Сам бы и выбирал, какая селитра сухая, какая подмоченная, – ты-то в ней поболее моего толк знаешь. И вчера ведь говорил, мол, нечего мне по городу разгуливать.

– И правильно говорил – мы оба в том убедились, – Иржи отложил в сторону деталь устройства, с которым возился половину утра, тщательно вытер руки тряпичей и внимательно посмотрел на друга. – Но иногда насущная необходимость берет верх над доводами разума. Запас свинца, пусть и небогатый, у меня есть, а вот селитры, боюсь, не хватит. При этом будет лучше, если я не стану привлекать к себе внимания. К тому же ты без дела маешься, вот и проветрись. Не купи того, чего не надо, и лишнего не болтай – большего я не прошу.

Вздыхнув, Иржи добавил:

– Тебе все равно здесь, в трактире, отсидеться не выйдет. Один я без твоей помощи не управлюсь. Так что, брат Марек, привыкай к этому городу, улицы-переулки запоминай. Думаю, скоро пригодится.

У Марека от этих слов по спине холодком протянуло.

– Когда? – выдохнул он.

– Скоро, – Иржи усмехнулся, вновь склоняясь над своими загадочными железками. – Уже скоро.

* * *

Постоялый двор Марек покинул полный твердокаменной решимости следовать указаниям друга. Благо Иржи еще вчера, пока к трактиру ехали, заметил нужную лавку, так что заниматься сейчас поисками и расспросами не было нужды.

И все Марековы благие намерения пошли прахом в один миг, когда парень вышел на крыльцо «Свиньи и часовщика». Ибо прямо перед ним, на расстоянии всего лишь нескольких шагов, шел по улице он! Убийца! Враг! Человек, называющий себя Микаэлем из Нюрнберга!

Телохранитель инквизитора прошел мимо, не обратив никакого внимания на остолбеневшего Марека. А тот стоял, провожал его взглядом и... попросту не знал, что предпринять. Что-то ведь нужно сделать! Напасть на него прямо сейчас? Подойти сзади и... Духи лесные, ну уж нет, не станет он, точно убийца, тыкать ножом в спину! Но и устраивать поединок на улице среди белого дня – сущее безумие. И даже если ему повезет, такая выходка наверняка разрушит планы Иржи. Предать друга ради собственной мести? Нет, так нельзя.

Совладав с собой, Марек двинулся следом за врагом: если уж нельзя напасть, то хотя бы можно проследить, куда тот направляется, узнать где живет и с какими делами ходит по городу.

На рыночной площади народу было больше всего. Микаэль с ходу погрузился в людской водоворот, и Марек без колебаний последовал за ним.

– Пи-ирог! Горячие пи-ирог! С луком! С требухой! С крольчатинной!

- Подковы, гвозди, ремесленный инструмент, лучшие ножи в городе!
- Рыба! Свежая рыба! Смотрите сами, шуки еще шевелят хвостами!
- Молодой господин, купи берет! Бархатный берет по последней берлинской моде!

Увернувшись от торговки печеными яблоками, Марек прошел мимо лавки, где продавали живых птиц, отступил в узкий переулок и привалился спиной к стене. Он старательно притворился, будто разглядывает пичугу, запертую в ивовой клетке. Через прутья этой клетки ему хорошо было видно, как остановившийся неподалеку Микаэль с интересом перебирает кожаные ремни и ножны для кинжалов.

Люди проходили мимо, замирали возле лотков с товарами, спорили и торговались. Проклятая суeta! Нет, Мареку никогда не привыкнуть к этим городским рынкам, тесным и шумным.

Его внимание привлек вдруг голос, донесшийся из глубины переуллка. Не голос даже – голосок.

– У меня правда нету ничего, дядечка Хундик. Ну правда-правда нету, вот ей-боженьки...

– Брешешь, – будто ржавая пила рванула тонкую струнку. – Брешешь, Заноза. Три дня ты не трогал, цельных три. И гришь, ниче не добыла, а?

Марек заколебался. Его враг все стоял у лотка напротив, вертел в руках очередные ножны – небось, пока не выберет и не расплатится, никуда отсюда не денется. Любопытство одолевало юношу. Что там творится у него за спиной, в густой тени между домами? И почему голосок этой Занозы кажется ему смутно знакомым? Решившись, он отступил на шаг, потом повернулся и двинулся вперед – быстро и бесшумно.

Это оказался не переулок – узкий проход между домами через двадцать шагов закончился крошечным двориком. Здесь было темно и грязно, валялся старый хлам и светлела в сумраке запертая дверь, сплошь исчерканная чем-то белым: дети потрудились, не иначе. Возле старой разбитой тачки стояли двое – крепкого вида парень и маленькая худенькая девчушка. Жилистая рука сжимала щуплое плечико с такой силой, что девочка кривилась от боли, но ни кричать, ни плакать не смела – видно, не впервой ей было терпеть.

– Нет ничегошеньки, дядечка Хундик, – стонала она. – Не свезло мне ни разу, ничего не подали добрые люди...

– Брешешь, вожжа мелкая! Я ты мало в тот раз приложил, а?! Ща ваще кочерыжку откручу! Вот этот кошель откуда, а?! Че он пустой, а?! Сбреши мне еще – руку выдерну! Чей кошель, а?! Че было в ем, а?! Пять даллеров?! Мож, пять раз по пять даллеров?! А мож, цельный гульден⁴³, а?!

Серое платьице, простоволосая... Марек узнал ее сразу. И свое добро, что жилистый вытащил из складок залатанного платья, тоже узнал.

– Мой это кошель, – буркнул он, подступая ближе. – И больше двух крейцеров в нем сроду не лежало.

Жилистый Хундик резво обернулся, выпустив плечо девочки, и Марек разглядел лицо, еще молодое, но безнадежно изуродованное пятном старого ожога, – оно охватывало всю левую щеку от самого глаза и спускалось вниз до горла. Увидев незнакомца, парень не растерялся: в его руке, словно из ниоткуда, появилась короткая дубинка. Удобное ухватистое оружие, такой штукой при должной сноровке можно человека наповал уложить.

– А ты кто таков? – хрипло каркнул обожженный. – Чет не припомню тя... Че нюхаешь тут? Че нос суешь в мое дело, а?

– Кошель девчонке верни, – Марек еще раз шагнул вперед. Из ниши возле двери вдруг выступил сутуловатый верзила в длинном потрепанном плаще – смотрел он с прищуром, а

⁴³ Гульден – здесь золотая монета с содержанием золота 3,39 г, имеющая хождение в Шаттенбурге.

руки до поры прятал под одеждой. Двое, значит. За голенищем Марекова сапога ждал своего часа верный нож, но доставать его сейчас ой как не хотелось.

Девочка, забившаяся в дальний угол дворика, лишь испуганно моргала, прижимая к груди худенькие руки. Она небось тоже вспомнила Марека и теперь не знала, стоит ли ей радоваться неожиданной помощи.

– А ты не тутошний, – прищурился Хундик, небрежно покачивая дубинкой. – Тутошние все про меня знают. Знают, шо в мои дела нос совать не след.

Вот он – город. Двое переростков трясут в каком-то грязном закоулке беспомощного ребенка – надо думать, трясут не впервой, и кому до того есть забота? Порченное, гнилое место! И людишки здесь – дрянь!

На миг Марека почти забыл о человеке, который остался на рыночной площади перед лотком с ремнями и ножнами; где-то в подбрюшьи быстро и неотвратно разгоралась ярость – дикая и бешеная, из-за которой Клыкачей когда-то боялись их немногочисленные враги. До дрожи в коленях боялись, до холодного пота. Марека чувствовал, как привычный горячий хмель разливается по телу, ударяет в голову, липким туманом застилает взор...

– Верни кошель, – повторил он сипло. – Верни, тогда целым уйдешь.

Должно быть, обожженный принял перемены в его голосе за проявление страха – он неприятно ухмыльнулся и взмахнул оружием с нарочитой ленцой:

– Сам уйди сперва, щеня. Целым. А ну, Вихор, пощупаем его...

Из груди Марека рвался свирепый рык, он клочкотал уже в самом горле, и приходилось стискивать зубы, чтобы не дать ему выхода.

«Сдерживай зверя, сынок, – учил мудрый Ян Клыкач малыша Марека. – Он помогает, пока ты ему хозяин. Возьмет зверь верх над тобой – потеряешь себя, пропадешь...»

Последний из Клыкачей был хорошим учеником.

Хундик ударил первым. Он бил без затей – сверху вниз, целя в голову, полагаясь на немалую свою силу и ловкость. Рука пришлого человека взметнулась навстречу – безотчетный жест невооруженного, пытающегося защититься. Когда тебя бьют куском крепкого дуба, высверленным изнутри и залитым свинцом, цена такой защите – сломанные кости.

Окружающим Марека никогда не казался силачом, со стороны глянешь: крепыш, не более. От такого противника не ждешь ни стремительности движений, ни телесной мощи. Но, вопреки ожиданию, в тесном дворике не раздалось крика боли – перехватив дубинку, Марековы пальцы сомкнулись на полированном дереве, точно кузнечные клещи.

С губ Хундика сорвалось удивленное проклятие, а потом он охнул и отлетел к стене – прямо на старую тачку.

– На! Получи!

Долговязый Вихор бросился вперед, в сумраке тускло блеснуло лезвие длинного ножа. Клинок вспорол рукав рубахи, рассек кожу на руке, но боль лишь подпитала горячим маслом огонь чужой ярости – губы Марека раздвинулись в жутком хищном оскале, и, встретив его взгляд, Вихор отшатнулся, спадая с лица. Хлестким ударом юноша выбил нож из дрожащей руки, потом схватил верзилу за грудки, потрянул его, точно щенка, и швырнул через весь двор – разрисованная мелом дверь аж загудела, когда в нее врезалось тяжелое тело. Девочка испуганно вскрикнула.

– Ах ты!.. – хрипел Хундик, выкарабкиваясь из обломков тачки. – Ты-ы!

– Кошель! – прорычал ему Марека.

И было, видать, в его рыке, во всем его облике нечто такое, что наконец-то открыло глаза уличному вору: тот запоздало смекнул, кто здесь на самом деле охотник, а кто – лишь жертва, добыча для хищного зверя. Хундик поднялся, вжимаясь спиной в стену, некрасивое его лицо исказилось от страха.

– Т-ты-ы... – выдавил он, задыхаясь.

– Эй! – вдруг послышался сзади голос. – Что это тут творится?

Еще один знакомый... мучительно знакомый голос! Марек обернулся рывком. И сквозь застилающий взор жаркий туман разглядел своего врага – тот стоял прямо перед ним, всего в паре шагов, на расстоянии короткого броска: просто прыгнуть вперед, пальцы на горло... Ведь это он, он! Вот ненавистные черты, что навсегда врезались в память! Вот знакомый взгляд из-под сведенных бровей – холодный и сосредоточенный. Даже тогда, в разгар кровавой бойни, в этих глазах не было ничего, кроме деловитой сосредоточенности, – воин с крестом на щите рубил Клыкачей, будто траву косил... Бездушный ублюдок! Убийца! Отродье распятого бога!

«Сдерживай зверя, сынок...»

Как я могу, батя?! Мочи нет!

Цепляясь за остатки рассудительности, за жалкие клочья благоразумия, он прыгнул прямо на Микаэля и... зарычал. Теперь уж по-настоящему зарычал, пусть и вполсилы. Когда родовой воинский клич изрыгала глотка Яна Клыкача, даже раненые медведи, бывало, вставали посреди атаки и поднимались на дыбы, открывая сердце острию ножа. Сыну до отца еще расти и расти, но все же его враг – пусть опытный и хладнокровный – опешил на миг, замешкался, отступил на полшага... И Марек метнулся мимо него – прочь к выходу из проулка. В три огромных скачка вылетел к рыночным лоткам и затерялся в людской толчее.

* * *

– Ты дурак, – сказал ему Иржи искренне и с чувством. – Мальчишка пятилетний, и тот не поступил бы глупее. Только подумать: сколько усилий приложено, а ты одним махом все сводишь на нет. Боги, зачем я связался с этим сорвиголовою? Он же любое мое начинание своей неосмотрительностью втаптывает в грязь. Он точно бык в лавке стекольщика: куда ни повернется, там сию же секунду грохот и осколки.

«Пусть его, – думал Марек, слушая гневную отповедь товарища. – Если уж так разошелся, стало быть, ничего по-настоящему скверного не случилось. Когда дело худо, Порох молчит, а не бранится».

Он рассказал ему все как было, без утайки. И терпеливо выслушал, что Иржи о нем думает.

– Ладно, – подвел тот, наконец, невеселый итог. – Хорошо, что ты не напал на него, – хоть на это ума хватило. Но теперь он тебя наверняка запомнил, и добро, если не заподозрил ничего.

– Да с чего бы ему? – буркнул Марек.

– Да с того! Сам же говоришь, что зарычал на него, дурья башка! Слышал я разок, как ты рычишь... Если у твоего Микаэля не решето вместо головы, он наверняка кое-что вспомнит.

– Уж восемь лет прошло.

– И что с того? Думаешь, забыл? – Усмешка у Иржи вышла кривой, и веяло от нее заморозным каким-то холодом. – Поверь, брат, такие, как он, – они вроде нас с тобой. Ничего не забывают. Никогда.

6

Когда-то здесь, в самом конце Речной улицы, располагался товарный склад, принадлежавший семейству Кауфман. Стены склада видели всякое: хранили тут ящики со стеклом и кипы бумаги, штуки сукна и глиняные горшки, мешки с мукой и чугунные чушки – едва ли не все, что в город везли или из него вывозили. В те времена на широком дворе фыркали кони, скрипели тележные оси, покрикивали возницы, визжали блоки лебедек, поднимающих тяжелые тюки сразу на второй этаж, переругивались грузчики.

Но, когда для города наступили тяжелые времена, Кауфманы перебрались в Цвикау. Строение вскоре совсем забросили – торговля год от года хирела, и нужды в больших складах не было. А ко времени, когда город начал медленно воскресать, от «склада Кауфмана» уже не осталось почти ничего: годные доски, брусья и балки разобрали домовитые горожане, прочее дерево сгодилось на топливо, а частью просто сгнило.

Бывший складской двор обнесли легкой изгородью и приспособили под огородик: плотно убитую копытами и тележными колесами землю вскопали, разбили грядки – пусть кривоватые, зато длинные. На половине грядок круглились капустные кочаны, ожидающие первых заморозков, – как тронет знобкий холодок, тут-то и посрубят их тяжеленными секачами; на других виднелись только холмики взрытой почвы – здесь еще недавно росла репа.

На месте, где когда-то стоял склад, темнел только заросший бурьяном длинный четырехугольник – остатки фундамента, большую часть камня из которого тоже выбрали горожане. В дальнем углу прямо из земли торчала обмазанная глиной труба, к небу тянулась тоненькая струйка дыма, а неподалеку Кристиан обнаружил крышку люка. Конечно, не ту, что была здесь прежде, – кауфмановскую, из вечного дубового бруса, а новую, сколоченную на скорую руку из горбыля. Закрепленная на ржавых петлях между уцелевшими лагами (доски пола тоже давно разобрали), крышка прикрывала вход в подвал, где в свое время складывали более ценные грузы вроде кулей с солью и коробов со скобяным товаром.

– Вот мы и пришли, – сказал отец Теодор. – Будьте добры, юноша со славным именем, поднимите эту крышку.

Из подвала пахнуло затхлым воздухом.

– Спускайтесь, не бойтесь.

Вниз вела деревянная лестница. В подвале было темно, и Кристиан, спустившийся по скрипучим ступенькам, несколько мгновений хлопал глазами. А потом в полумраке, едва разгоняемом отблесками играющего в печи пламени, оформились четыре густо-черных силуэта, с боков нависли угольные тени, и юноша отступил на шаг, безотчетно заслоняясь связкой хлебов.

– Ну что в темноте сидите? Масло бережете? Тоже дело... Все дома? – Священник высек огонь, затеплил висевшую под потолком лампу, и наваждение растаяло, как не было его: темные силуэты оказались тремя мальчишками и одной девочкой – всем лет по восемь-девять, не больше; а грозные тени обернулись косицами лука и чеснока, подвешенными на подпиравших низкий потолок столбах.

Кристиан огляделся. Вдоль левой стены тянулись длинные широкие нары, на полочках дожидались своего часа стопки разновеликих щербатых чашек и мисок, вдоль правой на дерюжках груды лежала репа. Котелок сытно пыхал на грубовато сложенной печи: судя по запаху, варили ячменную кашу. Наверное, здесь даже было уютно – для тех, кто не имел никакого другого дома.

– Нет, не все, – вразнобой откликнулись старику дети, не сводившие глаз с незнакомого гостя. – Заноза где-то еще пропадает, дядя Теодор... Ой!

– Ну сколько раз я просил вас оставить эти клички, – вздохнул священник и вдруг прикипел взглядом к столу. – И как же это понимать?

Дети, потупившись, молчали.

– Откуда это? – Старик поднял миску с маленькими медовыми колобками, обвиняюще ее потряс. – И не говорите, что добрые люди дали. Есть у нас в городе добрые, не скажу плохого, но каждый из них знает, что вам нужнее хлеб, чем сласти. Так откуда?

– Заноза принесла, – буркнул, не поднимая глаз, вихрастый мальчишка. – Только не ругайте ее, дядя Теодор, не ругайте! Она...

– Она – что? Она их на дороге нашла? – Борода священника воинственно встопорщилась. – Денег на сласти у вас нет, а значит, она стянула у кого-то либо сладкое, либо монеты. А ведь воровство – это...

– ... это грех, мы знаем, – захныкали дети. – Но не ругайте ее, дядя Теодор, пожалуйста!

– Да что же мне с вами делать-то, – старик устало опустил на колченогий стул, и малышня сразу облепила его, как внуки – любимого дедушку. – Ох, души заблудшие... И мои седины перед гостем позорите.

Дети, как по команде, снова устались на Кристиана, и юноша, не придумав ничего лучшего, протянул веснушчатой девочке связку хлебов. Та, шмыгнув носом, приняла буханки и попятилась к столу.

– Что ж, пора и познакомиться, – сказал священник. – Сегодня к нам пришел Кристиан. А вы...

– Бруна, – негромко сказала веснушчатая девочка, уже положившая связку на стол и теперь мешавшая деревянной ложкой кашу в котелке.

– Ларс, – назвал имя вихрастый мальчишка.

– Ян, Грегор, – представились оставшиеся двое детей.

А в следующее мгновение крышка люка с грохотом откинулась, и по ступенькам кубарем скатилась еще одна девочка. Протоптала по плотно убитому земляному полу, взлетела на нары, забилась в угол.

– Укройся, Заноза! – пискнула Бруна, накрывая подружку кучей тряпья, что заменяла детишкам постель.

Ларс тут же метнулся к лестнице, захлопнул люк, задвинул щеколду и, подпрыгнув, задул лампу. Действовали они столь быстро и уверенно, что любой бы понял: не впервой им так прятаться. Несколько секунд в наступившей темноте слышалось только дыхание. Наконец заговорил священник:

– Что случилось, Альма? – Голос его был удивительно ровным. – Чего ты так испугалась? Неужели за тобой гонится тот, у кого ты стянула кошелек?

Глаза Кристиана уже привыкли к темноте, и он видел, что дети сгрудились вокруг старика, как птенцы подле наседки. Альма выползла из-под груды тряпья, уткнулась лицом в спину отца Теодора и, захлебываясь, зарыдала.

– Что случилось, девочка моя? – Голос священника тут же изменился: сейчас было явно не время для нотаций. Даже Кристиану стало не по себе – столь безнадежно звучал детский плач.

– Ну-ну, хватит рыдать... Здесь ты в безопасности, сюда не придет никто плохой. Все здесь – и Бруна, и Ларс, и Ян с Грегором. Ну тише, тише, – Теодор поглаживал плачущую девочку по волосам, и та постепенно успокаивалась.

Потом священник встал, снова затеплил лампу. И тут девочка заговорила срывающимся голосом. О том, как ее поймал Хундик, что сшибает геллеры с каждого, с кого может, а потом вместе с Вихром заташил в подворотню, чтобы вытребовать свою долю с денег, что она украдала... «Простите меня, дядя Теодор, я не буду так больше, честное-пречестное слово, не буду!» Тут в подворотню зашел парень, и Альму до колик напугали его глаза. «Уж

очень они страшные стали, сроду таких не видала! Да-да, тот самый, у кого я монетки стащила!» Потом парень «с глазами» бросился на Хундика, и драться они начали, да так, что стены качались. А затем еще дядька появился: крепкий такой, темноволосый, со шрамом «Вот тут!» – девочка коснулась лба над левой бровью. И тогда парень «с глазами» заорал так страшно, что она даже и не помнит, как до дома добежала...

– Ну ты ври, да не завирайся, – презрительно протянул Грегор. Если остальные слушали Альму-Занозу, раскрыв рты, то он, как заметил Кристиан, больше косил глазом на миску с медовыми колобками. – Тебя послушать, так все только за тобой и гоняются. И Хундик, и Вихор, и чудовища лесные...

– Дурак! Дурак! – взвизгнула Альма и снова залилась слезами, а Ларс, сидевший на корточках возле нар, взлетел в воздух, будто подброшенный, и без лишних слов врезал Грегору по скуле. И быть бы свалке, кабы Кристиан не растащил пыхтящих мальчишек за уши.

– Тихо! – прикрикнул отец Теодор. – Стыдно за вас. Перед гостем позорите... Тебе же, Грегор, я говорил: не смей поминать про то, что в лесу было. Говорил?

– Да, – мальчишка ковырял земляной пол большим пальцем ноги и потирал ладошкой скулу, где уже наливался изрядный синяк: Ларс бил не вполсилы.

– То-то... Ладно, давайте-ка за стол. Бруна, как там каша? Не пригорела?

– Готова, – девочка сняла с огня котелок, а Ян выкладывал на стол потемневшие деревянные ложки.

– Присаживайся и ты, Кристиан, – сказал священник. – Стол у нас небогатый, но для доброго человека здесь всегда место найдется.

– Простите, святой отец, но мне пора, – качнул головой юноша. Вот еще, не хватало малышню беспризорную объедать. К тому же тот темноволосый мужчина со шрамом над правой бровью – он мог оказаться кем угодно, но почему-то Кристиан был уверен, что девочка говорила о Микаэле.

– Что ж, – не стал настаивать старик, – раз дела влекут вас прочь, ступайте. Но знайте, что для вас в любое время открыты двери – и этого убежища, и церкви Святого Олава.

– Да, святой отец, благодарю. Только... вы не ответите мне на один вопрос? – Кристиан покосился на детей за столом, которые, наскоро прочтя молитву, уже по очереди запускали в котелок ложки, и священник подошел ближе.

– Скажите, – чуть слышно прошептал послушник, – а что случилось в лесу? О чем нельзя вспоминать?

Старик несколько мгновений молчал, и юноша уже успел изругать себя за свой неудобный вопрос, но тут отец Теодор все же заговорил:

– Не хотел я, чтобы вы узнавали о том деле от меня. Впрочем, ваш инквизитор – отец Иоахим, так? – прибыл сюда именно по этой причине, и кое-что вы наверняка уже слышали. Так вот... Летом в лесу близ города на детей напало чудовище. Погибли четверо малышей. Может, никому бы и дела до них не было, но среди несчастных чад оказался Петер, мальчик из благополучного купеческого семейства, отпрыск Норберта Шульце. Купец настоял, чтобы бургомистр подписал петицию в Рим. Добился своего – и умер, сердце не выдержало. Но прошение уже ушло в римскую курию. А оттуда прислали вас.

– А при чем здесь девочка? – не понял Кристиан.

– Ну как же, от чудовища только-то и спаслись, что она и Пауль, братец Хелены Беш, – славная девушка, служит прачкой при «Кабанчике».

– Вот оно как... Значит, близ города чудовище ходит?

– Ходит оно нынче или уже нет – этого я не знаю. После детей пропали еще лесничий с сыном да два лесоруба сгинули: пришли к ним сменщики под утро, а на росчисти только кровь и обрывки одежды. Может, отродье тьмы до них добралось, а может, и человек злой:

у нас тут по лесам, случается, люди лихие пошаливают. Правда, той пропаже уже полтора месяца как. Но все же будьте настороже, юноша, и вы, и спутники ваши.

– Благодарю, святой отец. И... мне в самом деле уже пора.

– *Pax vobiscum*,⁴⁴ – отец Теодор осенил послушника знамением.

– *Et cum spiritu tuo*,⁴⁵ – кивнул Кристиан.

Ему надо было спешить на постоянный двор.

⁴⁴ *Pax vobiscum* – мир с вами, мир вам (лат.).

⁴⁵ *Et cum spiritu tuo* – и духу твоему, и с духом твоим (лат.); традиционный ответ паствы на литургическую фразу *Pax vobiscum*.

7

До «Кабанчика» Кристиан добежал словно подгоняемый ветром. Взлетел на второй этаж по скрипучим ступенькам и остановился перед дверью в комнатку, которую занимали они с Микаэлем. Почему-то вдруг показались глупыми и догадка, будто человеком из рассказа Альмы-Занозы мог быть нюрнбержец, и свое собственное беспокойство о войне – да кто с ним справится-то? И ведь странное дело: пока ехали в Шаттенбург, с Микаэлем они почти не говорили, телохранитель был юноше совсем чужим, а вот накануне разок побеседовали – и будто друзья уже.

– Ну входи, чего замер-то... – раздался из-за двери приглушенный голос.

Нюрнбержец сидел на топчане, держа в руках странную вещь – перетянутый серебряной цепочкой локон. Уставившись невидящими глазами куда-то в пустоту, раз за разом он пропускал между пальцев русую прядку: ни дать ни взять – священник, перебирающий четки. Живой!

– Там это... – запинаясь, сказал Кристиан, – говорят, возле города и в самом деле какое-то чудовище...

– Ты веришь в зло? – перебил его Микаэль. – Веришь?

– То есть...

– В настоящее зло. Не в обычное – ну когда мужик соседской жене подол задирает или папаша последние медяки пропьет, а дети по соседям кормятся. То грешки и грехи – где мелкие, где побольше, но обычные, людские, – пальцы воина сжали локон в кулаке так, что костяшки побелели. – А я про такое, когда в душе – ничего светлого, когда кто-то лишь обличем человек, а внутри – хуже зверя.

Последние слова он произнес чуть слышно. Кристиан растерялся. Что же такое случилось, от чего броня непроницаемого спокойствия, всегда облежавшая нюрнбержца, дала трещину? И что ему делать? Продолжить разговор – ответить на вопрос, попытаться найти слова утешения, как сделал бы на его месте настоящий священник? Или... Он промолчал. И это, как оказалось, было правильным решением.

– Восемь лет назад, – с усилием вытолкнул Микаэль, – в Оснабрюке. Слышал?

– Оснабрюкская резня? – У юноши мороз пробежал по коже.

Телохранитель скрипнул зубами, медленно кивнул.

– Значит, слышал.

Еще бы! О том, что случилось под Оснабрюком, рассказал купец, мимоходом заглянувший в родную деревушку Кристиана. Неизвестно, через сколько уст прошла история, прежде чем ее услышал сам купец, но после того рассказа деревенские дети чуть не месяц боялись уходить дальше околицы, и даже хорохористые подростки спешили домой, едва сгущались сумерки.

– Говорят, когда-то давно там побили множество римлян.⁴⁶ Странные места – ковырнешь землю в поле и выворишь наконечник копья или меч. Ржавые, аж в руках рассыпаются. А иной раз только след от меча или щита остался – и в нем тлен да ржа. Может, потому там и выродки те завелись, что земля кровью пропитана на три локтя вглубь. Священники все спорят, испортили ли тамошних насельников дьявольская скверна или вовсе не были они людьми. Мол, только облик человеческий, а внутри... Пес знает что внутри.

Он потер переносицу.

⁴⁶ В 9 году н. э. в Тевтобургском лесу (близ современного Оснабрюка) германцами под командованием Арминия, вождя херусков, были уничтожены три римских легиона под командованием Квинтилия Вара, в результате чего Германия вышла из-под власти Рима.

– Там много лет в округе люди пропадали – то охотники сгинут, то от пахаря на дальнем поле одна шапка останется. Ну так везде пропадают – места глухие, звери шалят. Привык народишко. Но одним летом – будто мельничный заплот на реке прорвало. Три деревни вырезали, да еще так... Головы на кольях, потроха на городьбе, дома по самые крыши в крови – кто видел, тот седел, разума лишался. Я тогда наемником был. Ну то есть я и сейчас... – Микаэль дернул уголком рта, – но теперь-то на службе у курии, а в ту пору ходил в отряде. Просили мы недорого – потому небось местный барон нас и нанял. Ходоки к нему зачастили: мол, оборони, защити. Сперва он своих дружинников послал, но из десятка никто не вернулся. Край там небогатый, у барона дружина – плюнуть да растереть, так что остальными он рисковать не стал. Перетрусил, за ворота ни ногой. И нас, значит, позвал.

Нашли мы выроdkов быстро: те совсем таиться перестали. Но не одолели бы небось, кабы они меж собой не перегрызлись. Сцепились нечистые – только клочья летели. Тут-то мы и ударили...

Микаэля передернуло от воспоминаний, он безотчетно начал массировать левое плечо, где Кристиан видел у него разлапистый сизо-белый шрам.

– Тут и понял: никакие они не люди. Человека мечом в брюхо ткнешь, провернешь – из него и дух вон, а в этом три стрелы сидят, руки уж нет, сам весь порубленный, но все тянется – зубами тебя рвать.

Отвернувшись, он поднес к губам прядь волос и что-то прошептал совсем неслышно.

– Это... оттуда? – рискнул спросить юноша.

– Да. Они из деревни нескольких женщин к себе уволокли. Может, из-за них-то и сцепились.

– Спасли?

Микаэль вздрогнул как от удара, и послушнику захотелось выдернуть себе язык.

– Нет, – качнул головой воин. – Ни одну. Я это взял, чтобы не забывать. Думал, мы всех вырубili подчистую – ибо *таким* не должно ходить по земле. И знаешь... мне никогда не было так страшно. А хуже всего был крик... Словно волк воет – но так, что голова, кажется, лопнет. Не передать. Век бы не слышать, но, кто слышал, тот уж не забудет.

Он снова потер плечо и, словно эхо, повторил:

– Не забудет...

Потом поднял затуманенный воспоминаниями взгляд на юношу:

– Сегодня я слышал его вновь. Здесь, в городе.

8

Что все люди лгут, Николас понял еще в детстве. И когда пришло к нему это знание, детство его закончилось. Ложь была повсюду, обман пронизывал самую суть жизни человеческой, иногда даже казалось – только он по-настоящему правит миром. Его Высочество Обман Самодержец. Найдется ли среди великого множества добрых христиан хоть один, никогда не посмеявшийся нарушить девятую заповедь? Ни словом, ни делом, ни молчаливым попустительством? Пожалуй, такое по нынешним временам лишь святым под силу, а святых Николас ни разу пока не встречал. Он привык ко лжи, свyksя с ней, научился видеть ее и понимать причины, заставляющие людей произносить слова неправды, кривить душой, до неузнаваемости искажать истину. Кто-то врал, чтобы получить для себя выгоду, кто-то – из страха, кто-то – ненавистью ближнего. Лгали ради любви, лгали из жалости, лгали во спасение. Один обманывал, пытаясь сойти за умного, другой – чтобы не показаться дураком. Лгали, в конце концов, просто когда не знали, как сказать правду.

По части вранья священники – отнюдь не исключение. Вот Ульрика Йегер – она ведь наверняка не ведьма, не еретичка. Есть ли у инквизитора весомый повод полагать иначе? Нет, наверняка нет. Она для отца Иоахима лишь удобная жертва – одинокая женщина, достаточно знатная, чтобы придать вес будущему судилищу, и вместе с тем недостаточно защищенная от обвинений в ереси или ведовстве. Ойген фон Ройц тоже неискренен в желании помочь баронессе, скорее им движет стремление придержать инквизитора. Николас не тешил себя иллюзиями: если бы Ворон счел, что для пользы дела стоит подыграть амбициозному святоше, он без долгих сомнений послал бы в Йегерсдорф не своего сентиментального вассала, а головорезов Девенпорта. А сам Николас... Так ли уж приглянулась ему давешняя вдова? Без сомнения, Ульрика умеет себя подать, на приеме у бургомистра многие мужчины смотрели ей вслед, с трудом скрывая вожделение, но связываться из-за нее с инквизицией... Стоит ли фрау риска?

«Все верно, мои побуждения – они сродни „доброте“ Хладнокровного Ойгена. Баронесса красива и, кажется, умна, но пуще интереса к ней мое желание наступить отцу Иоахиму на его змеиный хвост».

От того, что он сам себе в этом сознался, легче на душе не стало. Но, по крайней мере, Николас твердо решил сделать все *правильно*. Так оно даже к лучшему, когда чувства отстранены от дела. Легче бывает принимать непростые решения.

* * *

Поместье Йегерсдорф расположилось на самом берегу реки. Большой прямоугольный дом, сложенный из дикого камня и прочных бревен, смотрел на реку и близко подступивший лес узкими прорезями окон – будто щурился на незваного гостя: кто таков? Зачем пожаловал? Ни изящества, ни величия, зато добротнo и надежно, как привыкли строить в этих краях. Всем своим видом поместье вызывало невольное уважение. Хотя, конечно же, ни окна, больше напоминающие бойницы, ни окружающая обширный двор высокая – в два человеческих роста – стена ни в какое сравнение не шли с замками знатных рыцарей. Родовое гнездо того же фон Ройца выглядело куда как внушительнее – под теми серыми бастиянами даже королевской армии пришлось бы не один день простоять. А тут все-таки дом – не цитадель. Разбойникам Йегерсдорф не по зубам, но для серьезной обороны он не предназначен.

– Дозвольте лошадку принять, господин.

Паренек лет двенадцати забрал у Николаса поводья.

– Как тебя зовут, малый?

– Хансом, господин.

Пальцы юноши слабо, едва заметно дрожали, а сам он был бледен и казался изможденным.

«Хворый, что ли? – Николас нахмурился, провожая взглядом худенькую спину. – Или фрау Ульрика дворовых своих впроголодь держит?»

Он поймал себя на том, что мысль, будто баронесса может скупиться на пропитание для слуг, ему неприятна.

– Эй, Ханс...

– Что, господин?

– Нет, ничего. Ступай.

Широкий двор выглядел ухоженным – все аккуратно прибрано, все на своем месте, ни брошенной впопыхах лопаты, ни бурьяна у стен. Утоптанная земля подметена и посыпана речным песком, крыльцо чисто вымыто, доски выскоблены добела. Здесь будто поджидали гостей.

Дверь бесшумно отворилась навстречу, через порог шагнула стройная фигура в длинном темно-зеленом платье. И гость поклонился, узнавая.

– Герр Николас?

Она говорила негромко и мелодично, с едва заметной волнительной хрипотцой – при звуке ее голоса что-то всколыхнулось в душе мужчины, и он вдруг усомнился, не обманул ли себя дважды, рассуждая об истинных мотивах своего визита в Йегерсдорф.

– Фрау Ульрика, несказанно рад видеть вас.

– Какой случай привел к моему порогу достойного рыцаря?

– Я не рыцарь, фрау. А случай этот, несомненно, оказался счастливым для меня. Хотя и грешно мне радоваться несчастью других людей.

Несколько долгих мгновений хозяйка поместья разглядывала гостя, как будто пребывая в нерешительности. Потом заметила:

– Вы говорите престранные вещи, любезный Николас, но они разжигают во мне любопытство. Время как раз к обеду, не разделите ли со мной скромную трапезу?

И она, отступив от двери, сделала приглашающий жест. Гость не заставил себя упрашивать.

* * *

Меч висел на стене – прямое лезвие длиной в руку, необычно узкая гарда, вытянутая рукоять с накладками из покрытого тонкой резьбой дерева. Похож на привычный полуторник, но с такой гардой как драться? Не ровен час без пальцев останешься.

Николас подошел ближе, протянул руку к холодно блестящему металлу. В последний момент его как будто что-то остановило, пальцы замерли в волосе от клинка. Помедлив, он так и не притронулся к лезвию, лишь скользнул по нему внимательным взглядом. Господь милосердный, какая полировка! Ни малейшей царапины не разглядеть, ни единого мутного пятнышка. Не всякое зеркало доводят до столь безупречного блеска. В стальной глади Николас без труда увидел свое отражение и часть гостиной с пылающим камином. Вместе с тем меч не выглядел драгоценной игрушкой, способной лишь забавлять придиричивый глаз. На нем, кроме резных деревянных пластин на рукояти, даже не имелось никаких украшений. Вне всяких сомнений, настоящее оружие.

– Он из страны Хань, – послышался за спиной голос баронессы.

– Хань? – Николас обернулся. Ульрика стояла в дверях – строгое темное платье, казалось, делало ее выше и стройнее.

– Это на востоке, – в улыбке баронессы ему привиделся оттенок снисходительности. – Очень, очень далеко отсюда.

– Я знаю, где находится Хань, фрау Ульрика.

– Вот как? Тогда сейчас впору удивляться мне. В этом городе не много найдется людей, кто мог бы сказать мне такое... не солгав, разумеется.

– Смею заверить, я не лгу. Мне ведомо, что страна Хань существует, что она лежит далеко на востоке, что там живут люди с желтой кожей и оттуда везут драгоценный шелк. Думаю, мне известно не так уж много, чтобы впечатлить вас своими познаниями. Раз этот клинок висит в вашем доме, то вы, уверен, знаете о тех краях больше, чем я.

– Что ж, ваша откровенность делает вам честь. И вы правы, мне довелось прожить там несколько лет, а этот цзянь⁴⁷... когда-то он принадлежал моему мужу. Если угодно, меч – память о нем.

В голосе ее Николас уловил нотку грусти, но, странное дело, он готов был поклясться, что грусть женщины обращена вовсе не к памяти о покойном бароне фон Йегер. Тогда к кому же или к чему? К зеленым долинам далекой и таинственной державы желтолицых ханьцев?

– Выпейте еще вина, герр Николас. Или, быть может, желаете целебного напитка из чайных листьев?

– Благодарю, – он покачал головой. – Обед был отменным. Сдается мне, кухарка у вас стряпает не хуже, чем повар «Кабанчика».

– Странно... А мне показалось, вы ели без аппетита.

– Вовсе нет. Я просто не привык много есть. Избыток пищи отяжеляет тело и усыпляет разум. Не могу позволить себе ни того ни другого.

– Право же, вы необычный человек, – заметила Ульрика, немного помолчав. – И вы все еще не сказали мне, зачем приехали в мой дом.

– Разве? – Николас нахмурился. – Тогда, надеюсь, прекрасная фрау простит мне мою неучтивость. Я здесь по поручению барона Ойгена фон Ройца.

Женщина молча прошла мимо камина, где, несмотря на теплую еще погоду, всюю полыхали дрова. Она выглядела... нет, не растерянной, скорее задумчивой.

– Как давно вы ему служите? – Вопрос был неожиданным, словно удар скрытого до поры клинка, и, наверное, только из-за мига растерянности Николас решил ответить уклончиво:

– Давно. Но я не слуга барона.

– Вы его вассал?

– Да... и нет.

– Наемник? – приподняла тонкую бровь Ульрика.

– Нет, хотя и не испытываю нужды на этой службе.

– Тогда... вы ему чем-то обязаны?

– Да, – легко согласился Николас. – Обязан.

Баронесса кивнула – кажется, она ждала именно такого ответа.

– И вот он поручил вам приехать сюда. Зачем?

– Ойген фон Ройц – глас императора. Он послан в эти края с инспекцией, ибо времена сейчас трудные, гуситская ересь все еще сильна, а люди – слабы. Но я прибыл к вам с иной надобностью. Вы слышали о чудовище, фрау Ульрика?

– Чудовище? – Она резко обернулась, ее глаза, удивительно потемневшие в неверном свете пламени, холодно блеснули. – Да, я о нем слышала. Крестьяне много чего болтают. Странно, что барон и вы, герр Николас, придаете значение всяким досужим рассказам.

⁴⁷ Цзянь – китайский прямой меч с длиной клинка около метра.

– Увы, не рассказням. Есть свидетельства, доказывающие, что не все из ходящих по городу баек – лишь плод людской фантазии.

– Неужто вы сами видели это... создание?

– Нет. Но я видел то, что оно сотворило. И человеку подобное не под силу.

– Вздор, – поморщилась Ульрика. – Нет ничего, что не может сотворить человек. О каких бы злодеяниях ни шла речь, всегда виновного следует искать, прежде всего, среди людей.

– Вы не верите в чудовищ? В адовых тварей? В демонов?

Баронесса снова прошла перед камином, потом обхватила себя руками, будто ей стало зябко.

– Я верю в чудовищ, – сказала негромко, но твердо. – Но едва ли тех несчастных детей убил демон.

«Детей? Ах, ну да, откуда ей знать о бедолаге кожевнике...»

– Детям могло привидеться все что угодно. Неужели вы всерьез полагаетесь на слова перепуганных малышей?

Обескураженный ее решительным отпором и убежденностью в своей правоте, Николас поднял руки, изобразив покорность.

– Сдаюсь, прекрасная фрау, сдаюсь! И впрямь никто не может знать наверняка, сколько в слухах о чудовище правды, а сколько – вымысла. Признаюсь, я и сам не раз изумлялся, сколь истина отличается от рассказов свидетелей. Кто-то лжет, кто-то заблуждается, кто-то со страху видит то, чего на самом деле нет.

Ее лицо смягчилось.

– Надеюсь, вы соглашаетесь не из одного лишь желания произвести на меня лучшее впечатление.

– А у меня могло бы получиться?

– Пожалуй, – по губам женщины скользнула улыбка. – Выпейте все же венгерского, вроде бы оно вам пришлось по вкусу.

Ульрика хлопнула в ладоши, тут же из-за дверей к камину тенью скользнула служанка – худенькая девушка, опрятно одетая и миловидная. Она начала разливать вино по маленьким посеребренным кубкам, и кувшин внезапно дрогнул в ее руках, рубиновая жидкость щедро брызнула на стол.

– Тереза, будь аккуратнее, – бросила хозяйка требовательно, но с необычной сдержанностью: в голосе ее совсем не прозвучало раздражения, она будто неловкого ребенка пожуривала.

– Да, сеньора.

Испанка?! Николас встрепенулся, присмотрелся внимательнее. И впрямь волосы у юницы – точно вороново крыло, но уж очень кожа бледная, вот он и не признал с ходу южную кровь. И еще эти темные обводки вокруг глаз, сухие губы, дрожь в руках...

– Ты здорова, дитя?

– Да, сеньор.

Девушка даже не посмотрела в его сторону, ответила тихим безразличным голосом, поставила на стол кувшин, поклонилась и ушла.

– Теперь здорова, – добавила вдруг баронесса. – Тереза еще не оправилась от болезни.

– А мальчик, что принял у меня лошадь?

– Ханс? Он тоже. Многих из моих людей недавно свалил общий недуг. Беспокоиться не о чем, все они поправляются, и новых заболевших в поместье нет.

Несмотря на ее слова, Николасу стало не по себе, и Ульрика, как видно, почувствовала это либо просто догадалась, о чем он может сейчас думать. Она шагнула к гостю и просительно улыбнулась:

– Я была бы крайне признательна, если бы вы, любезный Николас, ничего не говорили об этом в городе. Мы здесь справились с болезнью, но шаттенбуржцы... Вы не местный, но, конечно же, понимаете: многие из горожан очень суеверны, стоит лишь пойти слухам – их уже не остановишь. Про меня и так рассказывают всякие небылицы, будет совсем скверно, если Йегерсдорф станут называть как-нибудь вроде чумной ямы.

– Но вы же позвали лекаря?

– Разумеется. Он сказал столько многомудрых слов, что мне теперь и не вспомнить. Если уж быть совсем откровенной, то мои люди... Я думаю, их отравили.

– Отравили?! – не удержал восклицания Николас.

– Нет-нет, едва ли их кто-то хотел убить. На рынке торговец подсунил нам скверного зерна. Приказчик, когда покупал, не заметил, как подменили один из проверенных им мешков.

– И кухарка не поняла, что зерно порченное?!

– Я сама удивляюсь, – Ульрика развела руками. – Она, бедняжка, первой и слегла. По счастью, никто не умер, но мои слуги, как видите, пока что не пышут здоровьем.

– И вы не попытались наказать мерзавца, продавшего вам отраву?

– Нет. Я женщина, герр Николас. И я одинока. Мой муж умер, из родных на этом свете никого не осталось. Хуже того, я приехала издалека, здесь у меня нет ни друзей, ни знакомых. Мою жизнь не стесняет бедность, но, право же, и никакого влияния в делах города я не имею.

– Вы могли бы снова выйти замуж, – поймав взгляд баронессы, он осекся, готовый откусить собственный язык.

– Могла бы, – голос ее прозвучал ровно, – но не выйду.

Ее глаза на миг... на бесконечно долгий миг показались ему двумя зелеными омутами – чистыми, прозрачными, но настолько глубокими, что дна не видать. Близко, совсем близко холодная бездна, еще шаг – и окунешься с головой, нырнешь в беспредельную зелень. Выплывешь ли? Утонешь?

– Пейте венгерское, герр Николас. Это хорошее вино.

Ульрика порывисто отвернулась, а он невольно тряхнул головой, отгоняя наваждение. Кровь стучала в висках, рубиновая жидкость на языке показалась обычной водой. Что это с ним? Вроде не так уж и близко подошла баронесса.

– Вы говорили о чудовище, – ее слова потрескивали необычной, волнующей хрипотцой.

– Да, верно. Говорил.

– Говорили, вас прислал барон фон Ройц.

– Да, он прислал. Сюда. К вам.

– Зачем же?

Николас потер лоб и нахмурился, собирая воедино мысли, мышами разбежавшиеся по углам рассудка.

– Дело в том... Ночью близ Шаттенбурга погиб человек. Торговец кожами. Его убили каким-то противоестественным образом. Тело бедняги высохло, как гриб на солнце, всего за одну ночь.

– И впрямь звучит страшно. Но отчего вы с этой бедой приехали ко мне?

– Вы сами сказали, что живете одна, фрау Ульрика. У вас есть слуги, однако их немного, а Йегерсдорф, как я успел заметить, поместье крепкое, но все же не похоже на замок. Я... э-э-э... барон фон Ройц хотел предупредить вас.

– Передайте барону мою признательность.

Сколько же оттенков у ее улыбки! Еще вчера, на приеме у бургомистра, Николас смотрел и поражался: лукавая насмешка замерзала на алых губах, превращаясь в лед официальной вежливости, а миг спустя лед таял, и от женщины веяло дружелюбным теплом. Ульрика

могла улыбаться так, что сердце в груди начинало биться сильнее и чаще, а могла, казалось бы, тем же самым изгибом губ выстроить между собой и собеседником незримую стену.

– И примите мою признательность тоже, герр Николас. Мы *здесь*, в Йегерсдорфе, умеем позаботиться о себе, но все же приятно знать, что есть кто-то, кто беспокоится о нас *там*.

Наверное, она все-таки насмеялась над его словами – немного, самую малость. Но Николас не смог удержаться – улыбнулся в ответ.

* * *

Из поместья он уезжал уже под вечер. Ему не предложили остаться переночевать, а светлого времени как раз должно было хватить, чтобы добраться до города. Баронесса простилась с гостем возле дома, одарив его напоследок по-особому пристальным зеленым взглядом. Уже сидя в седле и пуская коня торопливой рысью, Николас все ощущал на себе этот взгляд. У самой опушки леса он не выдержал, обернулся. Ворота были закрыты, никто на него не смотрел, но странное чувство еще некоторое время оставалось вместе с ним – будто часть Ульрики тоже отправилась в путь, провожая визитера до границы своих владений.

Боже, какая женщина! Еще недавно, по дороге к поместью фон Йегеров, Николас думал, будто хочет лишь насолить не в меру деятельному святоше. Сейчас он отнюдь не был уверен, что отец Иоахим так уж неправ в своих подозрениях насчет баронессы. Но при этом его желание оградить Ульрику от пристального внимания инквизитора лишь укрепилось. Нет, святому отцу лучше поискать себе иную жертву, вдовую баронессу он не получит. Не будь Николас... тем, кто он есть.

«А кто ты есть? Сын еретика и ведьмы, брат бегинки. Всем, что имеешь, ты обязан Ойгену фон Ройцу, и чего стоит твоя жизнь без его благоволения?»

Он усмехнулся, сжал губы упрямо и недобро. Нет в этом мире ничего незыблемого и постоянного, но, чего бы ни стоило благоволение Ворона, пока оно у Николаса есть – у него есть и возможность вставлять собственные палки в колеса инквизитору.

«Останетесь вы с дырявыми сетями, святой отец! Клянусь своей кровью!»

Рука его так сжала повод, что ногти больно впились в ладонь. Он с недоумением посмотрел на собственные побелевшие пальцы и нахмурился. Вспомнился вдруг мальчишка Ханс, его бледное и усталое, какое-то сонное лицо. Вспомнилась бледная, неловкая в движениях Тереза. Вспомнились прочие слуги, непривычно молчаливые, тихие и будто старающиеся держаться в стороне от незваного гостя. Худым хлебом потравились, значит? Все разом и никто не насмерть? Управляющий проморгал, кухарка недоглядела... Что ж, может, и так. А может, и иначе.

Николас вздохнул. Все лгут. Так почему же Ульрика фон Йегер должна быть исключением?

9

– Эта монета не годится, господин, – трактирщик был непреклонен. Со смурным видом он изучал кусочек металла квадратной формы. Чеканные символы подозрительно напоминали ему какие-то языческие руны. – Нет, не возьму. Была б деньга французская али венецианская – взял бы. Голландскую, да хоть бы и арабскую – взял бы. А эта... Не обессудь, господин.

В «Свинье и часовщике» было полно народу, ни один столик не пустовал. Плотники и гончары, каменщики и плотогоны, рыбаки, ткачи и пекари... вон даже пара стражников, свободных от смены, заглянула. Перегрин с интересом разглядывал лица: много, много новых лиц, к виду которых он уже начинал привыкать. Благо людей ему доводилось встречать и прежде – не в диковинку они для него были.

Вокруг стоял неровный, неумолчный гул голосов. Обсуждали дела, делились новостями, смеялись и сквернословили. Тот крышу амбара подновить решил – течет, зараза. Этот купил у цыгана мула, а мул возьми да охромей – обманул, мерзавец. У одного жена вот-вот родит, дай Бог чтоб наследника, у другого вчера дочь зеркальце разбила – небось не к добру...

– А она его метлой по хребту и вытянула, сам видал. Чтобы не заглядывался на мельничиху, значит. И так вытянула, что бедняга второй день с постели не встает. Тяжелая рука у бабы...

– Я бортнику говорю: «Твой мед пахнет навозом, сам его жри за такую цену!» Он глаза пучит, злится, да сказать-то нечего. Вы его нюхали, мед этот? Вот то-то...

– Этот Иоахим, по всему видать, большой святости человек. Видали ведьму на площади? Только коснулась его – и враз упала, точно дубиной огрели...

– За Старым утесом – порог и сразу пониже порога – мель. Скверное место, весной там Хемиш, свояк мой, убится насмерть...

– Говорят, изловят чудище еще до первых заморозков. Для того и господа рыцари к нам припожаловали – дабы изловить...

Люди много ели и еще больше пили. Перегрин ни еда, ни питье здешние не прельщали, он пришел в город из любопытства и в трактир зашел по той же причине. Ему нравилось слушать незнакомую речь, чувствуя, как с каждым услышанным словом она все больше становится его собственной. А ведь было и кое-что еще... Жесты, мимика, тон произносимых фраз – лишь слабое эхо того «разговора», что слышал и *видел* он. Цвет? Запах? Звук? Нет, нечто похожее на все это разом и одновременно не похожее ни на что.

Чувства, эмоции... Радость, гнев, возбуждение... Вон там, за столом, где гремят в кожаном стакане костяными кубиками, властвует азарт. А в дальнем углу стражники шепотом обсуждают какой-то утренний переполох, и от них едва уловимо веет тревогой. Или вот трактирщик: нетерпение и раздражение, приправленные алчностью, – неприятные, щекощущие нервы эманации.

– Завтра я покину город, почтенный хозяин, – Перегрин приветливо улыбнулся, – но эту ночь хочу провести под крышей. Моя монета из чистого серебра, даже просто на вес ее хватит, чтобы поесть и переночевать.

Трактирщик колебался и морщил лоб, демонстрируя сомнение. Наверняка он наметанным глазом уже оценил достоинство металла, но был бы не против, если бы чужеземец прибавил к первому кусочку серебра второй такой же. Если ты договаривался с сотней хозяев постоянных дворов, значит, сумеешь договориться и с тысячей других. Мысленно усмехнувшись, Перегрин кивнул на лениво перебирающего струны песенника:

– Всем хорош твой кров, почтенный. Жаль, музыка не радует разнообразием.

– По мне, так музыка в самый раз, – нахмурился хозяин. – Курт, может, и не великий мастак, но и у меня тут не церковный хор. А ты что же, певун али просто знаток из тех, кто разбирается во всем, чего сам не умеет? Не люблю я таких знатоков.

– Я... разбираюсь, – кивнул с улыбкой гость.

– Пусть споет, Вольф, – откликнулся из-за ближайшего стола крепко сбитый бородатый плотогон. – С тебя не убудет, а нам хоть какое-никакое, а развлечение. От треньканья твоего Курта уже в голове звенит.

– Выхлестал вторую кружку, вот и звенит у тебя! – огрызнулся из своего угла Курт, недобрый глазом косясь то на плотогон, то на непрошеного гостя, решившего, по всему виду, его осрамить.

– Я за свои кружки плачу сполна, – добродушно, но твердо ответил бородач, – и ты, малыш, мне не жена, чтобы считать, сколько я выхлестал за вечер. Так что уйми гонор.

– И то верно, Курт, уймись, – буркнул кабатчик, – и дай на пробу гостю свою кифару. Пушай примерится.

– Да что ты, Вольф! Он же мне настрой весь собьет! Все лады!

– Ежели он тебе собьет настрой, я его воистину кудесником сочту. Потому как нельзя сбить то, чего нет. Делай, что говорят, и не перечь лучше. Моих даллеров, что я за твою кифару отдал, ты мне еще и половины не отработал.

– Гитару, – обиженно поправил Курт, нехотя протягивая Перегрину инструмент. Тот принял его с легким поклоном и внимательно осмотрел.

Корпус темно-коричневого дерева, изящной, почти женственной формы. В верхней деке круглое отверстие, видимо, для резонанса. Гриф прямой. Четыре двойных струны, похоже, жильных. В общем, незнакомый инструмент. Но разве это беда? Если под твоими пальцами говорила сотня струн в сотне миров...

Перегрин поудобнее перехватил гриф, мягко провел рукой по тугим жилкам, прислушался к их звучанию, эхом отразившемуся где-то глубоко внутри. Подстроился, влился в этот чуть дребезжащий, старчески стонущий звук... и провел рукой еще раз...

В зале как по волшебству утихли разговоры. Вольф-кабатчик насторожился. Курт изумленно моргнул – он еще никогда не слышал, чтобы его старушка-гитара, купленная на ярмарке прошлым летом, звучала так звонко и молодо.

Перегрин удовлетворенно улыбнулся, подкрутил немного костяные колки и взял первый аккорд. Петь он умел – это признавали даже его собственные соплеменники. Голос, слух и тяга к музыке – пожалуй, во многих местах и у многих народов этого хватило бы, чтобы добиться признания, а может быть, и славы. Увы, на родине Перегрин к песенникам относились по-особому. Помимо голоса Мастер Песни должен обладать еще и поэтическим даром, а у мальчика никак не выходило вплетать в мелодию вязь изящных слов – не было в его стихах бездонной глубины, они не завораживали, не заставляли слушателей по одной лишь воле певца рыдать или смеяться. Быть посредственностью среди истинных Мастеров? Печальная судьба.

Способности странника с лихвой возместили нехватку поэтического дара. На дорогах чужих миров хватало благодарных и не столь требовательных слушателей. Перегрин внимал эмоциям тех, кто находился с ним рядом, вбирал в себя их настроение и превращал в мелодию. Ту, что лучше всего подходила здесь и сейчас. И видел удивление на лицах, видел дымку задумчивости в глазах. Пусть его не всегда благодарили, но и никогда не гнали от очагов и ночных костров...

Едва родившаяся мелодия внезапно оборвалась. Гитара захлебнулась неожиданно хриплым и пронзительным аккордом. Боль! Ужас! Близко и отчетливо, совсем рядом. Где?!

Перегрин беспомощно озибался по сторонам. Слишком много вокруг чужих мыслей и эмоций – боль и ужас прятались за ними, как за плотной вуалью, никак не выходило опреде-

лить, откуда они исходят. Наружу! Скорее наружу! Он сунул умолкшую гитару в руки ошеломленному Курту и бросился к двери.

– Эй, парень, стой!

Улица встретила его темнотой и ночной прохладой. Город мог показаться чужаку настоящим лабиринтом, но Перегрин повидал в своей жизни слишком много городов и обширнее, и запутаннее. К тому же сейчас ему приходилось полагаться не на собственное умение безошибочно ориентироваться в любом незнакомом месте – его вел отчаянный призыв о помощи, слабеющий с каждым мгновением, слабеющий слишком быстро! Еще миг – и все закончилось. Чтобы тут же вспыхнуть с новой силой! Задохнувшись от чужой боли, странник бросился в темноту.

Во второй раз след оказался потерян на площади, прямо перед пустым помостом, с которого днем вдохновенно вещал человек, называвшийся инквизитором. Пока Перегрин пытался нащупать угасающую путеводную нить, за его спиной возник кто-то тяжело сопящий, дышащий пивом и чесноком.

– Что там? – Голос показался знакомым. Давешний плотогон? А помимо него, похоже, еще несколько завсегдатаев кабачка. Зря эти люди увязались за ним, их эмоции мешали сосредоточиться.

– Я слышал крик, – бросил он, не оборачиваясь, в надежде, что нехитрая ложь их убедит. – Кто-то кричал. Здесь, совсем рядом.

– Ничего не слышал, – сообщил настороженно плотогон, остальные поддержали его недоуменным ропотом.

– Сюда! – Он наконец-то принял решение и повернул направо в проход между домами. Боль и ужас угасли безвозвратно. Прав он или нет, в любом случае все уже кончено.

Улица, тонущая в тенях. В сточной канаве кто-то копошится. За спиной – отблески факелов и суматошный топот шагов. Крыльцо... то ли самое? Не ошибся ли? Дверь... не заперто.

– Господь все милостивый! Парень, да ты ясновидец, не иначе! Иисусе Христе!

Прямо у порога лежал мальчик лет двенадцати. Неестественно вывернутая шея, остекленевший взгляд, в котором навечно застыло удивление... Проклятие! До этого дома он мог добежать втрое, вчетверо быстрее, если бы только смог вовремя понять, определить вектор эманаций!

Два других тела они обнаружили в гостиной. И вид этих тел заставил попятиться всякое повидавших на своем веку мужей. Кто-то вскрикнул, кто-то зашептал срывающимся голосом слова молитвы, все дружно начали креститься. Кто-то бросился за помощью, кто-то пытался трясущимися руками зажечь масляный светильник...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.